

A street scene in autumn. In the foreground, two people in dark coats are walking away from the camera on a sidewalk covered with fallen yellow leaves. The street is lined with trees showing autumn foliage. In the background, a large, ornate cathedral with multiple onion domes and spires is visible, partially obscured by the trees. The sky is overcast. The overall mood is quiet and contemplative.

Юай Чоксахват

**Вместо
пролога.**

Юай Чоксахват
Вместо пролога.

«Автор»

2026

Чоксахват Ю.

Вместо пролога. / Ю. Чоксахват — «Автор», 2026

В Москве появляется рукопись, которую нельзя опубликовать и невозможно забыть. Вокруг неё спорят редакторы, чиновники и те, кто слишком хорошо помнит, как устроена власть слова. Один человек пишет правду как исповедь. Другой пытается превратить её в дело. Третий видит в тексте угрозу привычному порядку. И чем ближе финал, тем яснее: цена свободы измеряется не только страницами. «Вместо пролога» — роман о совести, страхе и силе истории, которую пытаются стереть.

© Чоксахват Ю., 2026

© Автор, 2026

Юай Чоксахват

Вместо пролога.

Вместо пролога
Yuai Choksahwat
Серия «Книга времени»

Глава 1

Никогда не говорите с незнакомцами

Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, возле Патриарших прудов, появились двое мужчин. Первый, одетый в легкий серый костюм, был невысокого роста, плотный, лысоватый, аккуратную кепку держал в руке, а на гладко выбритом лице красовались огромные очки в черной оправе. Второй – широкоплечий, рыжеватый, с взъерошенными волосами, в надвинутой на затылок клетчатой кепке – был одет в куртку-ветровку, помятые светлые брюки и черные кроссовки.

Первый был не кто иной, как Михаил Александрович Берлиозов, председатель правления одной из крупных московских литературных организаций, сокращенно МАССОЛИТ, и редактор известного литературного журнала, а его молодой спутник – поэт Иван Николаевич Поньрев, писавший под псевдонимом Бездомный.

Оказавшись в тени едва распустившихся лип, писатели первым делом направились к ярко раскрашенному киоску с надписью «Вода, напитки».

Да, стоит отметить первую странность этого знойного майского вечера. Не только возле киоска, но и во всей аллее, идущей параллельно Малой Бронной улице, не было ни души. В час, когда, казалось, уже невозможно было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в дымке опускалось куда-то за Третье транспортное кольцо, – никто не пришел в тень лип, никто не присел на скамейку, аллея была пуста.

- Нарзан, пожалуйста, – попросил Берлиозов.
- Нарзана нет, – ответила продавщица в киоске и почему-то обиделась.
- Пиво есть? – сиплым голосом спросил Бездомный.
- Пиво вечером привезут, – ответила женщина.
- А что есть? – спросил Берлиозов.
- Лимонад, только теплый, – сказала продавщица.
- Ну, давайте, давайте, давайте!..

Лимонад дал обильную желтую пену, и в воздухе запахло чем-то химическим. Выпив, литераторы тут же начали икать, расплатились и уселись на скамейке лицом к пруду и спиной к Бронной.

Тут произошла вторая странность, касающаяся одного Берлиозова. Он внезапно перестал икать, сердце его екнуло и на мгновение куда-то провалилось, потом вернулось, но с тупой колющей болью. Кроме того, Берлиозова охватил беспричинный, но такой сильный страх, что ему захотелось немедленно бежать с Патриарших, не оглядываясь. Берлиозов тоскливо оглянулся, не понимая, что его так напугало. Он побледнел, вытер лоб платком, подумал: «Что это со мной? Никогда такого не было... Сердце барахлит... Переутомился. Пожалуй, пора все бросить и в санаторий какой-нибудь... в Кисловодск, что ли...»

И тут знойный воздух перед ним словно сгустился, и из этого воздуха возник прозрачный гражданин странного вида. На маленькой голове – жокейская кепка, клетчатый короткий пиджачок... Гражданин ростом под два метра, но в плечах узкий, худой до невероятности, и лицо, надо заметить, насмешливое.

Жизнь Берлиозова сложилась так, что к необычным явлениям он не привык. Еще больше побледнев, он вытаращил глаза и в смятении подумал: «Этого не может быть!..»

Но это, увы, было, и длинный, сквозь которого все видно, гражданин, не касаясь земли, покачивался перед ним то влево, то вправо.

Тут ужас настолько овладел Берлиозовым, что он закрыл глаза. А когда он их открыл, увидел, что все кончилось, видение растворилось, клетчатый исчез, а заодно и колющая боль пропала.

– Фу ты, блин! – воскликнул главред, – чуть кондратий от жары не хватил! Даже померещилось что-то... – он попытался выдавить улыбку, но в глазах еще плясала тревога, и руки подрагивали.

Но постепенно он взял себя в руки, обмахнулся платком и, довольно бодро произнес: «Итак...», возобновил прерванный распитием абрикосового лимонада разговор.

Как выяснилось позже, речь шла об Иисусе Христе. Главред заказал поэту для очередного номера журнала большую антирелигиозную поэму. Иван Николаевич написал ее быстро, но она совершенно не удовлетворила главреда. Бездомный изобразил главного героя, то есть Иисуса, в мрачных тонах, но, по мнению главреда, поэму нужно было переписать целиком. И вот теперь главред читал поэту лекцию об Иисусе, чтобы указать на главную ошибку. Трудно сказать, что подвело Ивана Николаевича – сила ли таланта или полное незнание вопроса, – но Иисус получился у него до жути живым, хоть и отталкивающим персонажем. А Берлиоз хотел доказать поэту, что главное не в том, каким был Иисус, плохим или хорошим, а в том, что его вообще не существовало, что все рассказы о нем – выдумки, обычный миф.

Надо сказать, главред был человеком начитанным и умело ссылался на древних историков, например, на Филона Александрийского, на Иосифа Флавия, которые ни словом не упоминали об Иисусе. Демонстрируя эрудицию, Михаил Александрович сообщил поэту, что отрывок в 15-й книге, 44-й главе «Анналов» Тацита, где говорится о казни Иисуса, – позднейшая подделка.

Поэт, для которого все это было новостью, внимательно слушал Михаила Александровича, уставившись на него своими зелеными глазами, и лишь изредка икал, шепотом ругая абрикосовый лимонад.

– Нет ни одной восточной религии, – говорил Берлиоз, – где непорочная дева не родила бы бога. Христиане не придумали ничего нового, а просто создали своего Иисуса, которого никогда не существовало. Вот на это и нужно сделать упор...

Высокий тенор Берлиоза разносился в пустынной аллее, и по мере того, как Михаил Александрович углублялся в дебри, в которые может забраться, не рискуя сломать шею, только очень образованный человек, – поэт узнавал все больше интересного и полезного и про египетского Осириса, бога и сына Неба и Земли, и про финикийского Таммуза, и про Мардука, и даже про менее известного Вицлипуцли, которого почитали ацтеки в Мексике.

И вот, как раз когда Михаил Александрович увлеченно рассказывал поэту о том, как древние укры выкапывали Черное море, на аллее показался первый человек.

Позже, когда уже было поздно, разные ведомства представили свои ориентировки с описанием этого человека. Сравнение их вызывало оторопь. В первой говорилось, что человек был низкого роста, с золотыми зубами и хромал на правую ногу. Во второй – что он был огромного роста, с платиновыми коронками и хромал на левую. Третья лаконично сообщала, что особых примет у человека не было.

Приходится признать, что ни одна из этих ориентировок никуда не годилась.

Во-первых, описываемый не хромал ни на какую ногу, и ростом был не маленького и не огромного, а просто высокого. Что касается зубов, то слева у него были платиновые коронки, а справа – золотые. Он был в дорогом сером костюме и заграничных туфлях в тон. Серый берет был лихо сдвинут набок, а под мышкой он нес трость с черным набалдашником в виде головы

бультерьера. На вид – лет сорока с лишним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом – иностранец.

Пройдя мимо скамейки, на которой сидели редактор и поэт, иностранец покосился на них, остановился и вдруг уселся на соседней скамейке, в двух шагах от них.

«Немец», – подумал Берлиоз.

«Англичанин, – подумал Бездомный, – ишь, и не жарко ему в перчатках».

А иностранец окинул взглядом высотки, квадратом окаймлявшие пруд, и было видно, что он видит это место впервые и что оно его заинтересовало.

Он остановил взгляд на верхних этажах, ослепительно отражающих в стеклах заходящее солнце, затем перевел его вниз, где стекла начали темнеть, чему-то снисходительно усмехнулся, прищурился, положил руки на набалдашник, а подбородок на руки.

– Ты, Иван, – говорил Берлиоз, – очень хорошо и сатирически изобразил, например, как волонтеры собирают дроны для фронта, но соль-то в том, что еще до волонтеров были всякие там "военкоры", коротко говоря, никого из них не было, в том числе и волонтеров, и необходимо, чтобы ты, вместо сбора дронов, описал нелепые слухи об этом сборе... А то выходит по твоему рассказу, что они действительно собирают!..

Тут Бездомный попытался прекратить мучившую его икоту, задержав дыхание, отчего икнул мучительнее и громче, и в этот же момент Берлиоз прервал свою речь, потому что иностранец вдруг поднялся и направился к писателям.

Те удивленно посмотрели на него.

– Извините меня, пожалуйста, – заговорил подошедший с иностранным акцентом, но не коверкая слов, – что я, не будучи знаком, позволяю себе... но предмет вашей ученой беседы настолько интересен, что...

Тут он вежливо снял берет, и друзьям ничего не оставалось, как приподняться и раскланяться.

«Нет, скорее француз...» – подумал Берлиоз.

«Поляк?...» – подумал Бездомный.

Необходимо добавить, что на поэта иностранец с первых же слов произвел отвратительное впечатление, а Берлиозу скорее понравился, то есть не то чтобы понравился, а... как бы выразиться... заинтересовал, что ли.

– Можно присесть? – вежливо спросил незнакомец, и они как-то невольно подвинулись. Незнакомец ловко устроился рядом и сразу же заговорил.

– Если я правильно расслышал, вы говорили, что Иисуса не существовало? – спросил он, повернув к Берлиозу свой левый зеленый глаз.

– Да, вы не ослышались, – учтиво ответил Берлиоз, – именно это я и говорил.

– Ах, как интересно! – воскликнул незнакомец.

"Что ему вообще нужно?" – подумал Бездомный, нахмурившись.

– А вы согласны со своим собеседником? – спросил незнакомец, повернувшись к Бездомному.

– На все сто! – подтвердил тот, любя выражаться витиевато.

– Изумительно! – воскликнул непрощенный собеседник и, оглянувшись по сторонам и понизив голос, сказал: – Простите мою навязчивость, но я так понимаю, вы, кроме всего прочего, еще и в Бога не верите? – он сделал испуганные глаза и добавил: – Клянусь, никому не скажу.

– Да, мы не верим в Бога, – с легкой улыбкой ответил Берлиоз, заметив испуг туриста. – Но об этом можно говорить совершенно свободно.

Незнакомец откинулся на спинку скамейки и спросил, с любопытством:

– Вы – атеисты?!

– Да, мы – атеисты, – улыбаясь, ответил Берлиоз, а Бездомный подумал, раздражаясь: "Привязался, как банный лист, этот турист!"

– Ох, какая прелесть! – воскликнул удивительный незнакомец и завертел головой, глядя то на одного, то на другого.

– В нашей стране атеизм никого не удивляет, – дипломатично сказал Берлиоз, – большинство населения давно перестало верить в эти сказки.

Тут незнакомец встал и пожал изумленному Берлиозу руку, произнеся:

– Позвольте вас поблагодарить от всей души!

– За что это вы его благодарите? – моргнув, спросил Бездомный.

– За очень важную информацию, которая мне, как путешественнику, чрезвычайно интересна, – многозначительно подняв палец, пояснил чужак.

Эта информация, видимо, произвела на него сильное впечатление, потому что он испуганно обвел глазами дома, словно опасаясь увидеть атеистов в каждом окне.

"Нет, он не из Европы..." – подумал Берлиоз, а Бездомный подумал: "Где он так наловчился говорить по-русски? Вот что интересно!" – и снова нахмурился.

– Но позвольте спросить, – после тревожного раздумья спросил незнакомец, – а как же быть с доказательствами существования Бога, которых, как известно, ровно пять?

– Увы! – с сожалением ответил Берлиоз, – ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно отправило их в архив. Согласитесь, что в области разума никакого доказательства существования Бога быть не может.

– Bravo! – воскликнул незнакомец. – Bravo! Вы полностью повторили мысль старика Канта по этому поводу. Но вот курьез: он разрушил все пять доказательств, а затем, как бы в насмешку над собой, соорудил собственное шестое доказательство!

– Доказательство Канта, – тонко улыбнувшись, возразил образованный редактор, – также неубедительно. Недаром Шиллер говорил, что кантовские рассуждения по этому вопросу могут удовлетворить только рабов.

Берлиоз говорил, а сам думал: "Кто же он такой? И почему так хорошо говорит по-русски?"

– Вот бы этого Канта, а? За такую философию – сразу на передовую, в штурмовую группу! – выпалил вдруг Иван Николаевич.

– Иван! – сконфуженно прошептал Берлиоз.

Но предложение отправить Канта на фронт не только не смутило иностранца, но даже вызвало у него восторг.

– Точно, точно! – воскликнул он, и левый зеленый глаз его, обращенный к Берлиозу, заблестел. – Там ему самое место! Я же ему тогда еще говорил за обедом: "Вы, профессор, конечно, вольны думать что хотите, но что-то вы мудрите несусветное! Вроде и умно, но больно непонятно. Только смеяться над вами будут".

Берлиоз вытаращил глаза. "За обедом... с Кантом?... Что он несет?" – подумал он.

– Но, – продолжал иностранец, не замечая изумления Берлиоза и обращаясь к поэту, – отправить его на передовую невозможно по той причине, что он уже больше ста лет как находится в местах гораздо более отдаленных, чем фронт, и извлечь его оттуда никак нельзя, уверяю вас!

– А жаль! – отозвался поэт-задира.

– И мне жаль! – подтвердил незнакомец, сверкая глазом, и продолжил: – Но вот какой вопрос меня беспокоит: если нет никакого высшего разума, то, спрашивается, кто же тогда управляет жизнью человеческой и вообще всем порядком на земле?

– Сам человек и управляет, – поспешил сердито ответить Бездомный на этот, прямо скажем, не очень ясный вопрос.

– Виноват, – мягко отозвался незнакомец, – для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок. Позвольте же вас спросить, как может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в десять, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день? И в самом деле, – тут незнакомец повернулся к Берлиозу, – вообразите, что вы, например, начнете управлять, распоряжаться и другими, и собой, вообще, так сказать, войдете во вкус, и вдруг у вас... кхе... кхе... рак легких... – тут иностранец сладко усмехнулся, как будто мысль о раке легких доставила ему удовольствие, – да, рак, – жмурясь, как кот, повторил он это слово, – и вот ваше управление закончилось! Ничья судьба, кроме своей собственной, вас больше не интересует. Близкие начинают врать, вы, чувствуя неладное, бросаетесь к лучшим врачам, потом к знахарям, а бывает, и к гадалкам в Telegram. Как первое, так и второе, и третье – совершенно бессмысленно, вы сами понимаете. И все это кончается трагически: тот, кто еще недавно полагал, что он чем-то управляет, оказывается вдруг лежащим неподвижно в цинковом гробу, и окружающие, понимая, что толку от лежащего нет больше никакого, везут его на кладбище. А бывает и еще хуже: только человек соберется съездить в Крым, – тут иностранец прищурился на Берлиоза, – пустяковое, казалось бы, дело, но и этого совершить не может, потому что неизвестно почему вдруг возьмет – поскользнется и попадет под дрон-камикадзе! Неужели вы скажете, что это он сам собой так управил? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой? – и тут незнакомец рассмеялся странным смешком.

Берлиоз с большим вниманием слушал неприятный рассказ про рак и дрон, и какие-то тревожные мысли начали мучить его. "Он не иностранец! Он не иностранец! – думал он, – он какой-то странный тип... Но позвольте, кто же он такой?"

– Вы хотите курить, как я вижу? – неожиданно обратился к Бездомному незнакомец. – Вы какие предпочитаете?

– А у вас что, разные есть? – мрачно спросил поэт, у которого сигареты кончились.

– Какие предпочитаете? – повторил незнакомец.

– Какие предпочитаете? – повторил незнакомец.

– Да любые, – огрызнулся Иван, – лишь бы дым шел.

Незнакомец тут же извлек из кармана блестящий портсигар и протянул Ивану:

– Вот, пожалуйста.

И редактора, и поэта поразило не столько то, что в портсигаре нашлись сигареты, сколько сам портсигар. Огромный, из вороненой стали, с гравировкой в виде тризуба, он выглядел как дорогая военная вещь.

Тут у литераторов возникли разные мысли. У Берлиоза: "Наверное, волонтер какой-то, с фронта", а у Ивана: "Вот черт его возьми! А?"

Поэт и владелец портсигара закурили, а некурящий Берлиоз отказался.

"Надо будет ему возразить, – решил Берлиоз, – да, человек смертен, никто с этим не спорит. Но дело в том, что..."

Однако он не успел произнести эти слова, как заговорил незнакомец:

– Да, человек смертен, это полбеды. Плохо то, что он внезапно смертен, вот в чем фокус! И вообще не может знать, что будет делать сегодня вечером.

"Какая-то странная постановка вопроса..." – подумал Берлиоз и возразил:

– Ну, это преувеличение. Сегодняшний вечер у меня расписан. Конечно, если на меня возле метро упадет дрон...

– Дрон просто так, – внушительно перебил незнакомец, – никому на голову не упадет. А вам он точно не угрожает. Вы умрете другой смертью.

– Может, вы знаете, какой именно? – с иронией спросил Берлиоз, втягиваясь в нелепый разговор, – и расскажете?

– Охотно, – ответил незнакомец. Он окинул Берлиоза взглядом, словно прикидывая размер бронежилета, пробормотал что-то вроде: "Раз, два... Телеграм молчит... связь плохая... вечер – семь..." – и громко объявил: – Вам оторвет голову!

Иван злобно уставился на нахального незнакомца, а Берлиоз спросил, криво усмехнувшись:

– Кто именно? ДРГ? Диверсанты?

– Нет, – ответил собеседник, – русская женщина, волонтерка.

– Гм... – промычал раздраженный шуткой Берлиоз, – ну, это маловероятно.

– Прошу прощения, – ответил иностранец, – но это так. Да, хотел спросить, что вы будете делать сегодня вечером, если не секрет?

– Секрета нет. Сейчас заеду домой, а потом в десять вечера у нас в Союзе писателей будет заседание, я председательствую.

– Нет, этого не будет, – твердо возразил незнакомец.

– Почему?

– Потому, – ответил незнакомец и посмотрел в небо, где птицы чертили круги, – что Анна уже купила бензин, и не только купила, но и разлила. Так что заседание отменяется.

Тут под липами наступила тишина.

– Простите, – после паузы сказал Берлиоз, глядя на мелющего чушь иностранца, – причем тут бензин... и какая Анна?

– Бензин тут вот при чем, – вдруг заговорил Иван, решив объявить войну незваному гостю, – вам не приходилось, гражданин, бывать в психбольнице?

– Иван! – тихо воскликнул Михаил Александрович.

Но незнакомец не обиделся и весело рассмеялся.

Но иностранец ничуть не обиделся и весело расхохотался.

– Бывал, бывал, и не раз! – воскликнул он, смеясь, но не сводя серьезного взгляда с поэта. – Где я только не бывал! Жаль только, что я не удосужился спросить у профессора, что такое шизофрения. Так что вы уж сами узнайте это у него, Иван Николаевич!

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

– Помилуйте, Иван Николаевич, кто же вас не знает? – тут иностранец вытащил из кармана свежий номер "Литературной газеты", и Иван Николаевич увидел на первой странице свою фотографию, а под ней – свои стихи. Но вчера еще радовавшее доказательство славы и популярности на этот раз ничуть не обрадовало поэта.

– Я извиняюсь, – сказал он, и лицо его потемнело, – вы не могли бы подождать минутку? Я хочу товарищу пару слов сказать.

– О, с удовольствием! – воскликнул неизвестный. – Здесь так хорошо в тени, а я, кстати, никуда и не спешу.

– Вот что, Миша, – зашептал поэт, оттащив Берлиоза в сторону, – он никакой не турист, а засланный казачок. Может, вообще из этих, с той стороны. Спрашивай у него документы, а то уйдет...

– Ты думаешь? – встревоженно шепнул Берлиоз, а сам подумал: "А ведь он прав!"

– Уж ты мне верь, – засипел ему в ухо поэт. – Он дурачком прикидывается, чтобы выпросить кое-что. Ты слышишь, как он по-русски говорит? – поэт говорил и косился, следя, чтобы неизвестный не удрал. – Идем, задержим его, а то уйдет...

И поэт за руку потянул Берлиоза к скамейке.

Незнакомец не сидел, а стоял возле нее, держа в руках какую-то книжечку в темно-серой обложке, плотный конверт и визитку.

– Простите меня, что я в пылу нашего спора забыл представиться вам. Вот моя карточка, паспорт и приглашение приехать в Москву для консультации, – веско проговорил неизвестный, проницательно глядя на обоих литераторов.

Те сконфузились. "Черт, все слышал," – подумал Берлиоз и вежливым жестом показал, что в предъявлении документов нет надобности. Пока иностранец совал их редактору, поэт успел разглядеть на карточке напечатанное латиницей слово "Professor" и начальную букву фамилии – двойное "W".

– Очень приятно, – тем временем смущенно бормотал редактор, и иностранец спрятал документы в карман.

Отношения таким образом были восстановлены, и все трое снова сели на скамью.

– Вы в качестве консультанта приглашены к нам, профессор? – спросил Берлиоз.

– Да, консультантом.

– Вы немец? – осведомился Бездомный.

– Я-то?.. – переспросил профессор и вдруг задумался. – Да, пожалуй, немец... – сказал он.

– Вы по-русски здорово говорите, – заметил Бездомный.

– О, я вообще полиглот и знаю очень много языков, – ответил профессор.

– А у вас какая специальность? – осведомился Берлиоз.

– Я – специалист по черной магии.

"На тебе!" – стукнуло в голову у Михаила Александровича.

– И... и вас по этой специальности пригласили к нам? – заикнувшись спросил он.

– Да, по этой пригласили, – подтвердил профессор и пояснил: – Тут в архивах нашли старинные тексты, что-то вроде гримуаров, вот требуется, чтобы я их разобрал. Я единственный в мире специалист.

– А-а! Вы историк? – с большим облегчением и уважением спросил Берлиоз.

– Я – историк, – подтвердил ученый и добавил невпопад: – Сегодня вечером на Патриарших будет интересная история!

И опять крайне удивились и редактор, и поэт, а профессор поманил обоих к себе и, когда они наклонились к нему, прошептал:

– Имейте в виду, что Иисус существовал.

– Поймите, Иисус действительно существовал.

– Видите ли, профессор, – ответил Берлиоз, натянуто улыбаясь, – мы уважаем ваши обширные знания, но у нас на этот счет другое мнение.

– А никаких "мнений" не нужно! – возразил странный профессор. – Он просто был, и всё тут.

– Но ведь нужны какие-то доказательства... – начал Берлиоз.

– И никаких доказательств не требуется, – ответил профессор и заговорил тише, и его акцент куда-то пропал: – Всё просто: в белом плаще...

Глава 2

Понтий Пилат

В белом плаще с алой подкладкой, шаркающей походкой человека, привыкшего к строевому шагу, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана на крытую веранду своего загородного дома вышел глава администрации области Понтий Пилат.

Больше всего на свете Пилат не любил запах ладана, а сегодня всё предвещало скверный день, потому что этот запах преследовал его с самого рассвета. Казалось, что ладан источают сосны и ели в саду, что к запаху пота и бронежилетов охраны примешивается эта проклятая струя. Из флигелей в тылу дома, где разместились приехавшая с Пилатом рота спецназа, доносился дымок на веранду через верхнюю площадку сада, и к горьковатому дыму, свидетельствовавшему о том, что повара начали готовить завтрак, примешивался всё тот же навязчивый запах ладана. "Боже, за что ты меня наказываешь?"

"Да, нет сомнений! Это она, опять она, эта ужасная мигрень, от которой болит полголовы. От неё нет лекарств, нет никакого спасения. Попробую не двигать головой".

На террасе у бассейна уже было приготовлено кресло, и Пилат, не глядя ни на кого, сел в него и протянул руку в сторону.

Помощник почтительно вложил в эту руку планшет. С болезненной grimасой Пилат бегло просмотрел написанное, вернул планшет помощнику и с трудом произнес:

– Задержанный из Харьковской области? Дело в СБУ передавали?

– Да, Понтий Петрович, – ответил помощник.

– И что они?

– Они отказались брать на себя ответственность и передали дело вам на утверждение, – объяснил помощник.

Пилат дернул щекой и тихо сказал:

– Приведите задержанного.

И тут же с площадки сада на веранду двое бойцов в камуфляже ввели и поставили перед креслом Пилата человека лет двадцати семи. На нём была старая, рваная куртка. Голова была обмотана бинтом, а руки связаны за спиной пластиковыми хомутами. Под левым глазом у человека был большой кровоподтек, в углу рта – ссадина с запекшейся кровью. Приведенный с тревожным любопытством смотрел на Пилата.

Тот помолчал, потом тихо спросил по-русски:

– Так это ты призывал к свержению власти в области?

Пилат при этом сидел неподвижно, и только губы его шевелились чуть-чуть при произнесении слов. Он боялся качнуть головой, объятай адской болью.

Человек со связанными руками немного подался вперед и начал говорить:

– Я не хотел... Поверьте...

Но Пилат, по-прежнему не шевелясь и не повышая голоса, тут же перебил его:

– Это меня ты называешь хорошим человеком? Ошибаешься. В курилках только и говорят, что я зверь, и это недалеко от правды, – и так же ровно добавил: – Свяжитесь с майором Грозовым.

Казалось, в кабинете стало темнее, когда майор Громов, командир роты спецназа, предстал перед начальником штаба.

Громов был на голову выше любого солдата в части и так широк в плечах, что заслонял собой свет из окна.

Начальник штаба обратился к майору по-русски:

– Этот задержанный называет меня "хорошим человеком". Выведите его на пару минут, объясните, как со мной разговаривать. Без увечий.

Все, кроме неподвижного начальника штаба, проводили взглядом Громова, который кивком показал задержанному, чтобы тот следовал за ним.

Громова вообще провожали взглядами, где бы он ни появлялся, из-за роста, а те, кто видели его впервые, еще и из-за шрама на лице: когда-то ему сломали нос в рукопашной.

Тяжелые берцы Громова застучали по плитке, задержанный пошел за ним тихо, в коридоре повисла тишина, и было слышно, как гудят кондиционеры в серверной, да еще тихо журчит вода в кулере.

Начальнику штаба захотелось встать, подставить лоб под струю и так замереть. Но он знал, что и это не поможет.

Выведя задержанного из кабинета в коридор, Громов взял у дежурного дубинку и, несильно замахнувшись, ударил задержанного по плечам. Движение майора было небрежным и легким, но задержанный мгновенно рухнул на пол, как будто ему подкосили ноги, судорожно глотнул воздух, лицо побелело, а глаза стали бессмысленными. Громов одной левой рукой, легко, как мешок с картошкой, поднял упавшего, поставил его на ноги и заговорил хрипло:

– С начальством разговаривать вежливо. И отвечать четко. Понял или еще раз объяснить?

Задержанный пошатнулся, но удержался на ногах, к нему вернулся цвет лица, он перевел дыхание и ответил сипло:

– Понял. Больше не надо.

Через минуту он снова стоял перед начальником штаба.

Прозвучал глухой, усталый голос:

– Фамилия?

– Моя? – торопливо отозвался задержанный, всем видом показывая готовность отвечать внятно, чтобы больше не вызывать гнев.

Начальник штаба сказал негромко:

– Моя мне известна. Не прикидывайся глупее, чем ты есть. Твоя.

– Петров, – поспешно ответил задержанный.

– Имя-отчество?

– Иван Сергеевич.

– Откуда родом?

– Из Мариуполя, – ответил задержанный, головой показывая, что там, где-то далеко, на юге, находится Мариуполь.

– Чем занимался до мобилизации?

– Я точно не знаю, – живо ответил задержанный, – я работал на стройке...

– Где сейчас зарегистрирован?

– У меня нет постоянной регистрации, – застенчиво ответил задержанный, – я переезжаю с места на место.

– Это можно выразить короче – бомж, – сказал начальник штаба и спросил: – Родственники есть?

– Нет никого. Я один.

– Грамоте обучен?

– Да.

– Какими языками владеешь, кроме русского?

– Украинским немного.

Опухшее веко приподнялось, глаз, затуманенный страданием, уставился на задержанного. Другой глаз остался закрытым.

Начальник штаба заговорил по-украински:

– Так ты собирався саботировать поставки и призывал к этому других?

Тут задержанный заметно оживился. В глазах больше не было прежнего испуга, и он заговорил по-русски:

– Я, това... – он осекся, ужас снова промелькнул в глазах, – я, господин судья, никогда в жизни не собирався подрывать опоры моста и никого не призывал к этому безумству.

Секретарь, склонившийся над ноутбуком и протоколировавший допрос, удивленно поднял голову, но тут же снова уткнулся в экран.

– В этот город съезжается много разных людей, – монотонно произнес судья, – есть среди них и блогеры, и эзотерики, и всякие гадалки, и диверсанты. А попадают и лжецы. Ты, например, лжец. Четко зафиксировано: подстрекал к разрушению моста. Так свидетельствуют очевидцы.

– Эти добрые люди, – начал задержанный и поспешно добавил: – Господин судья, – они ничего не поняли и все переврали, что я говорил. Я вообще начинаю опасаться, что эта путаница будет длиться очень долго. И все из-за того, что он неправильно записывает мои слова.

Наступила тишина. Теперь уже оба воспаленных глаза судьи тяжело смотрели на задержанного.

– Повторяю тебе в последний раз: перестань прикидываться сумасшедшим, диверсант, – мягко и монотонно произнес судья, – в твоём деле немного, но достаточно, чтобы тебя посадить.

– Нет, нет, господин судья, – с напряжением в голосе заговорил задержанный, стремясь убедить, – ходит, ходит один с планшетом и постоянно что-то пишет. Я однажды заглянул в этот планшет и ужаснулся. Там нет ничего из того, что я говорил. Я его умолял: удали ты ради бога все это! Но он вырвал у меня планшет и убежал.

– Кто такой? – брезгливо спросил судья и потер висок.

– Лева Матеев, – охотно объяснил задержанный, – он был налоговым инспектором, и я встретил его впервые на трассе возле блокпоста, там, где заправка, и разговорился с ним. Сначала он отнесся ко мне враждебно и даже оскорблял, то есть думал, что оскорбляет, называя меня ботом, – тут задержанный усмехнулся, – я лично не вижу ничего плохого в этих программах, чтобы обижаться на это слово...

Секретарь перестал печатать и украдкой бросил удивленный взгляд не на задержанного, а на судью.

– ...однако, послушав меня, он смягчился, – продолжал задержанный, – наконец, бросил свою форму на дорогу и сказал, что пойдет со мной волонтером...

Судья усмехнулся одной щекой, обнажив желтые зубы, и произнес, повернувшись всем корпусом к секретарю:

– О, город N! Чего только не услышишь в нём. Налоговый инспектор, вы слышите, бросил форму на дорогу!

Не зная, что ответить, секретарь счел нужным повторить улыбку судьи.

– А он сказал, что форма ему отныне стала ненавистна, – объяснил задержанный странные действия Левы Матеева и добавил: – И с тех пор он стал моим товарищем.

Все еще скалясь, судья посмотрел на задержанного, затем на солнце, неуклонно поднимающееся над новостройками на горизонте, и вдруг с какой-то тошнотворной мукой подумал о том, что проще всего было бы выгнать из кабинета этого странного диверсанта, произнеся только два слова: «В СИЗО его». Выгнать и конвой, уйти из зала суда в кабинет, велеть закрыть жалюзи, повалиться на диван, потребовать холодной воды, жалобным голосом позвать кота Барсика, пожаловаться ему на мигрень. И мысль об отставке вдруг соблазнительно мелькнула в больной голове судьи.

Прокурор, не переставая сверлить взглядом задержанного, перевел взгляд на солнце, которое уже довольно высоко поднялось над горизонтом, над крышами новостроек, видневшихся внизу, и вдруг с тошнотворной ясностью осознал, что проще всего было бы выставить этого странного типа за дверь, бросив пару слов: "Под арест". Выставить его и конвой, вернуться в кабинет, опустить жалюзи, рухнуть на диван, попросить минералки, позвать своего пса, Рекса, и пожаловаться ему на мигрень. И мысль об обезболивающем уколе соблазнительно промелькнула в воспаленном мозгу прокурора.

Он смотрел мутным взглядом на задержанного и какое-то время молчал, пытаясь вспомнить, зачем в этот безжалостный утренний час он должен выслушивать этого человека с разбитым лицом и задавать ему никому не нужные вопросы.

– Левит Матеев? – хрипло спросил он, прикрывая глаза.

– Да, Левит Матеев, – донесся до него высокий, раздражающий голос.

– И что ты все-таки говорил про... ну, про старое начальство толпе на митинге?

Голос отвечавшего, казалось, сверлил висок прокурора, был невыносимо мучителен, и этот голос говорил:

– Я говорил о том, что старые порядки рухнут и возникнут новые, справедливые. Я так сказал, чтобы было понятнее.

– Зачем же ты, бездельник, смущал людей, рассказывая о справедливости, о которой ты не имеешь ни малейшего представления? Что такое справедливость?

И тут прокурор подумал: "Боже мой! Я спрашиваю его о какой-то ерунде на допросе... Мой мозг отказывается работать..." И снова ему почудился шприц с лекарством. "Обезболивающее мне, обезболивающее!"

И вновь он услышал голос:

– Справедливость прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты готов на все, лишь бы это прекратилось. Ты не только не в состоянии разговаривать со мной, но тебе даже трудно смотреть на меня. И сейчас я невольно являюсь твоим мучителем, что меня огорчает. Ты не можешь ни о чем думать, кроме как о том, чтобы пришел твой пес, единственное, кажется, существо, к которому ты привязан. Но твои мучения скоро закончатся, голова пройдет.

Секретарь вытаращил глаза на задержанного и замер с ручкой в руке.

Прокурор поднял воспаленные глаза на задержанного и увидел, что солнце уже довольно высоко поднялось над горизонтом, что луч пробился сквозь жалюзи и подползает к его стоптанным кроссовкам, что тот старается отойти от света.

Тут прокурор поднялся с кресла, схватился за голову, и на его желтоватом, небритом лице отразился ужас. Но он тут же подавил его усилием воли и снова опустился в кресло.

Задержанный же тем временем продолжал говорить, но секретарь больше ничего не записывал, а только, вытянув шею, как гусь, старался не пропустить ни одного слова.

– Ну вот, все и закончилось, – говорил задержанный, доброжелательно глядя на прокурора, – и я этому очень рад. Я бы посоветовал тебе, начальник, отвлекись от работы и прогуляйся где-нибудь на свежем воздухе, ну, хотя бы в парке. Дождь начнется, – задержанный повернулся, прищурился на солнце, – позже, к вечеру. Прогулка пошла бы тебе на пользу, а я бы с удовольствием составил тебе компанию. Мне пришли в голову кое-какие новые мысли, которые, полагаю, могли бы показаться тебе интересными, и я бы охотно поделился ими с тобой, тем более что ты производишь впечатление очень умного человека.

Секретарь смертельно побледнел и выронил блокнот на пол.

Секретарь побледнел как полотно и выронил планшет на стол.

– Беда в том, – продолжал связанный, словно его и не думали останавливать, – что ты слишком заиклен на себе и совсем разуверился в людях. Нельзя же, согласишься, всю свою привязанность переносить на кота. Твоя жизнь серая, начальник, – и тут говорящий позволил себе усмехнуться.

Секретарь теперь только и думал, верить ли своим ушам. Приходилось. Тогда он попытался представить, в какую форму выльется гнев вспыльчивого руководителя при этой неслышанной дерзости задержанного. И этого секретарь представить не мог, хотя и хорошо знал начальника.

Тут раздался сорванный, хрипловатый голос начальника, сказавшего по-русски:

– Развяжите ему руки.

Один из конвоиров, эсбэушников, стукнул прикладом, передал автомат другому, подошел и снял стяжки с задержанного. Секретарь поднял планшет, решил пока ничего не записывать и ничему не удивляться.

– Признайся, – тихо спросил начальник по-русски, – ты крутой психолог?

– Нет, товарищ полковник, я не психолог, – ответил задержанный, с наслаждением потирая измятые и опухшие запястья.

Начальник исподлобья буравил глазами задержанного, и в этих глазах уже не было мути, в них появились всем знакомые искры.

– Я не спрашивал тебя, – сказал начальник, – ты, может, и английский знаешь?

– Да, знаю, – ответил задержанный.

Краска выступила на желтоватых щеках начальника, и он спросил по-английски:

– Откуда ты знал, что я хотел позвать кота?

– Это очень просто, – ответил задержанный по-английски, – ты водил рукой по воздуху, – задержанный повторил жест начальника, – как будто хотел погладить, и губы...

– Да, – сказал начальник.

Помолчали, потом начальник задал вопрос по-русски:

– Итак, ты психолог?

– Нет, нет, – живо ответил задержанный, – поверьте мне, я не психолог.

– Ну, хорошо. Если хочешь это держать в секрете, держи. К делу это прямого отношения не имеет. Так ты утверждаешь, что не призывал разрушить... или поджечь, или каким-либо иным способом уничтожить вышку связи?

– Я, товарищ полковник, никого не призывал к подобным действиям, повторяю. Разве я похож на идиота?

– О да, ты не похож на идиота, – тихо ответил начальник и улыбнулся какой-то страшной улыбкой, – так поклянись, что этого не было.

– Чем хотите, чтобы я поклялся? – спросил, очень оживившись, развязанный.

– Ну, хотя бы жизнью своей, – ответил начальник, – ею клясться самое время, так как она висит на волоске, знай это!

– Не думаете ли вы, что вы ее подвесили, товарищ полковник? – спросил задержанный, – если это так, вы очень ошибаетесь.

Начальник вздрогнул и ответил сквозь зубы:

– Я могу перерезать этот волосок.

– И в этом вы ошибаетесь, – светло улыбаясь и заслоняясь рукой от света из окна, возразил задержанный, – согласитесь, что перерезать волосок уж наверно может лишь тот, кто подвесил?

– Так, так, – улыбнувшись, сказал начальник, – теперь я не сомневаюсь в том, что праздные зеваки в Харькове ходили за вами по пятам. Не знаю, кто подвесил ваш язык, но подвешен он хорошо. Кстати, скажите: верно ли, что вы явились в Харьков через Московский проспект на электросамокате, сопровождаемый толпой блогеров, кричавших вам приветствия как бы некоему пророку? – тут начальник указал на планшет.

Задержанный недоуменно поглядел на начальника.

– У меня и самоката-то никакого нет, товарищ полковник, – сказал он. – Приехал я в Харьков точно через Московский проспект, но на маршрутке, в сопровождении одного знакомого айтишника, и никто мне ничего не кричал, так как никто меня тогда в Харькове не знал.

– У меня и "бусика" никакого нет, начальник, – сказал он. – Я в Киев вообще на перекладных добирался, через блокпост в Гостомеле, с одним только другом, и никто мне ничего не кричал, потому что меня тогда в Киеве никто не знал.

– Ты знаешь таких, – продолжал полковник, не сводя глаз с задержанного, – "Хмурого", "Гюрзу" и "Алмаза"?

– Этих ребят я не знаю, – ответил задержанный.

– Правда?

– Правда.

– А теперь скажи мне, почему ты всех называешь "ребята"? Ты всех так называешь?

– Всех, – ответил задержанный, – плохих людей не бывает.

– Впервые слышу такое, – сказал полковник, усмехнувшись, – может, я мало жизнь повидал! Можешь дальше не записывать, – обратился он к секретарю, хотя тот и так ничего не писал, и продолжал говорить задержанному: – Где ты этого начитался? В каком-нибудь пацифистском телеграм-канале?

– Нет, сам додумался.

– И ты это проповедуешь?

– Да.

– А вот, например, майор Петренко, его "Бетон" зовут, – он хороший?

– Да, – ответил задержанный, – он просто несчастный человек. С тех пор как его контузило под Бахмутом, он стал злой и черствый. Интересно, кто его так покалечил.

– Могу рассказать, – отозвался полковник, – я сам там был. "Вагнера" на него как бешеные псы накинулись. Осколками ему ноги посекло, хорошо хоть БТР успел прикрыть. Если бы не наша арта, тебе бы сейчас не с кем было разговаривать. Это было в самой мясорубке, под Клещеевкой.

– Если бы с ним поговорить, – вдруг мечтательно сказал задержанный, – я уверен, что он бы изменился.

– Я думаю, – отозвался полковник, – что командир бригады был бы не в восторге, если бы ты начал разговаривать с его офицерами или солдатами. Впрочем, этого и не случится, к счастью, и я лично об этом позабочусь.

В это время в кабинет стремительно залетел дрон-камикадзе, сделал под потолком круг, снизился, чуть не задел антенной лицо статуэтки Бандеры на полке и скрылся за шкафом. Возможно, он искал розетку для подзарядки.

Во время его полета в светлой теперь и легкой голове полковника сложилась формула. Она была такова: полковник рассмотрел дело бродячего проповедника Иешуа по кличке "Мирный", и состава преступления в нем не нашел. В частности, не нашел никакой связи между действиями Иешуа и диверсиями, произошедшими в Киеве в последнее время. Бродячий проповедник оказался просто немного "ку-ку". Вследствие этого, решение о передаче "Мирного" в СБУ полковник отменяет. Но ввиду того, что безумные, пацифистские речи "Мирного" могут спровоцировать волнения в Киеве, полковник удаляет Иешуа из Киева и отправляет его в фильтрационный лагерь под Днепром, то есть подальше от греха.

Оставалось это оформить протоколом.

Лопасты дрона просвистели над самой головой полковника, аппарат метнулся к окну и вылетел на улицу. Полковник поднял глаза на задержанного и увидел, что возле того столбом поднялась пыль.

– Все о нем? – спросил полковник у секретаря.

– Нет, к сожалению, – неожиданно ответил секретарь и подал полковнику другой лист бумаги.

– Что еще там? – спросил полковник и нахмурился.

Прочитав доклад, он еще больше изменился в лице. То ли кровь прилила к шее и лицу, то ли случилось что-то еще, но кожа его утратила болезненную бледность, побурела, а глаза как будто запали.

Опять-таки, вероятно, кровь, прилившая к вискам и стучащая в них, была виной тому, что у начальника СИЗО что-то случилось со зрением. Ему померещилось, что голова задержанного куда-то поплыла, а вместо нее появилась другая. На этой бритой голове сидел дешевый золотой венок, купленный в переходе; на лбу была круглая язва, разъедающая кожу и замазанная зеленкой; запавший беззубый рот с отвисшей нижней губой. Полковнику показалось, что исчезли серые стены кабинета и вид на промзону вдали, и все утонуло вокруг в густейшей зелени какого-то южного парка. И со слухом случилось что-то странное, как будто вдали проиграли негромко и грозно трубы, и очень явственно послышался гнусавый голос, надменно тянущий слова: «Статья за дискредитацию армии...»

Мысли понеслись короткие, бессвязные и необыкновенные: «Погиб!», потом: «Погибли!..» И какая-то совсем нелепая среди них о каком-то долженствующем непременно быть – и с кем?! – бессмертии, причем бессмертие почему-то вызывало нестерпимую тоску.

Полковник напрягся, изгнал видение, вернулся взором к задержанному, и опять перед ним оказались глаза арестанта.

– Слушай, Гасанов, – заговорил полковник, глядя на Ибрагима как-то странно: лицо полковника было грозным, но глаза тревожными, – ты когда-нибудь говорил что-нибудь о президенте? Отвечай! Говорил?.. Или... не... говорил? – Полковник протянул слово «не» несколько больше, чем это полагалось на допросе, и послал Ибрагиму в своем взгляде какую-то мысль, которую как бы хотел внушить арестанту.

– Правду говорить легко и приятно, – заметил арестант.

– Мне не нужно знать, – придушенным, злым голосом отозвался полковник, – приятно или неприятно тебе говорить правду. Но тебе придется ее говорить. Но, говоря, взвешивай каждое слово, если не хочешь не только неизбежного, но и мучительного срока.

Никто не знает, что случилось с полковником ФСИН, но он позволил себе поднять руку, как бы заслоняясь от лампы, и за этой рукой, как за щитом, послать арестанту какой-то намекающий взор.

– Итак, – говорил он, – знаешь ли ты некоего Руслана из Кировска, и что именно ты говорил ему, если говорил, о президенте?

– Дело было так, – охотно начал рассказывать арестант, – позавчера вечером я познакомился возле мечети с одним молодым человеком, который назвал себя Русланом из города Кировска. Он пригласил меня к себе домой в новостройке и угостил...

– Хороший человек? – спросил полковник, и дьявольский огонь сверкнул в его глазах.

– Очень добрый и любознательный человек, – подтвердил арестант, – он высказал величайший интерес к моим мыслям, принял меня весьма радушно...

– Чай налил... – сквозь зубы в тон арестанту проговорил полковник, и глаза его при этом мерцали.

– Да, – немного удивившись осведомленности полковника, продолжал Ибрагим, – попросил меня высказать свой взгляд на государственную власть. Его этот вопрос чрезвычайно интересовал.

– И что же ты сказал? – спросил полковник, – или ты ответишь, что ты забыл, что говорил? – но в тоне полковника была уже безнадежность.

– В числе прочего я говорил, – рассказывал арестант, – что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни президентов, ни какой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть.

– Далее!

– Следующий!

– Дальше ничего не было, – сказал задержанный. – Тут ворвались люди, скрутили меня и увезли в отделение.

Секретарь, стараясь не упустить ни слова, быстро строчил на планшете.

– Не было, нет и не будет во всем мире власти более великой и справедливой, чем власть нашего президента! – сорвавшимся, больным голосом выкрикнул чиновник Петров.

Начальник с какой-то ненавистью смотрел на секретаря и конвойных.

– И не тебе, безумный преступник, о ней судить! – тут Петров заорал: – Вывести конвой из кабинета! – и, повернувшись к секретарю, добавил: – Оставьте меня с ним наедине, тут дело государственной важности.

Конвойные подняли автоматы и, мерно стуча берцами, вышли из кабинета в коридор, а за ними и секретарь.

В кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь гулом работающего кондиционера. Петров смотрел, как на экране монитора меняются графики.

Первым заговорил задержанный:

– Я вижу, что из-за моего разговора с этим парнем из волонтерского штаба назревает какая-то беда. У меня, товарищ начальник, предчувствие, что с ним случится что-то плохое, и мне его очень жаль.

– Я думаю, – странно усмехнувшись, ответил Петров, – что есть кое-кто, кого тебе следовало бы пожалеть больше, чем этого волонтера, и кому придется гораздо хуже! И так, этот садист Сидоров, который пытался тебя завербовать, эти боевики, которые, как я вижу, – Петров указал на разбитое лицо задержанного, – тебя избили за твои посты в Телеграме, эти мародеры Иванов и Смирнов, которые с подельниками ограбили четыре квартиры, и, наконец, этот грязный предатель, волонтер – все они хорошие люди?

– Да, – ответил задержанный.

– И наступит царство правды?

– Наступит, товарищ начальник, – убежденно ответил задержанный.

– Оно никогда не наступит! – вдруг закричал Петров таким страшным голосом, что задержанный отшатнулся. Так много лет назад в Чечне кричал Петров своим бойцам: «Взять их! Взять их! Этот ублюдок Сидоров попался!» Он еще повысил сорванный командами голос, выкрикивая слова так, чтобы их слышали в коридоре: – Преступник! Преступник! Преступник!

А затем, понизив голос, он спросил:

– Ты в бога веришь?

– Бог один, – ответил задержанный, – в него я верю.

– Так помолись ему! Покрепче помолись! Впрочем, – тут голос Петрова сел, – это не поможет. Жена есть? – почему-то тоскливо спросил Петров, не понимая, что с ним происходит.

– Нет, я один.

– Ненавистный город, – вдруг почему-то пробормотал Петров и передернул плечами, как будто замерз, а руки потер, как бы обмывая их, – если бы тебя сбила машина перед твоей встречей с этим волонтером, право, это было бы лучше.

– А вы бы меня отпустили, товарищ начальник, – неожиданно попросил задержанный, и голос его стал тревожным, – я вижу, что меня хотят убить.

Лицо Петрова исказилось гримасой, он обратил к задержанному воспаленные, в красных жилках белки глаз и сказал:

– Ты полагаешь, несчастный, что я отпущу человека, говорившего то, что говорил ты? О, боже, боже! Или ты думаешь, что я готов занять твое место? Я твоих взглядов не разделяю! И слушай меня: если с этой минуты ты произнесешь хотя бы одно слово, заговоришь с кем-нибудь, берегись меня! Повторяю тебе: берегись.

– Товарищ начальник...

– Тихо! – рявкнул генерал-майор Пронин, и злобно проводил взглядом ворону, снова севшую на край балкона. – Ко мне!

Когда адъютант и охрана вернулись на места, Пронин объявил, что утверждает решение военно-полевого суда над диверсантом Иешуа Га-Ноцри, и адъютант зафиксировал его слова.

Через минуту перед генерал-майором стоял капитан Марков. Пронин приказал передать диверсанта начальнику контрразведки с особым распоряжением: Иешуа Га-Ноцри должен содержаться отдельно от остальных задержанных. Контрразведчикам под страхом трибунала запрещено вступать с ним в разговоры или отвечать на вопросы.

По знаку Маркова охрана окружила Иешуа и вывела его с балкона.

Затем перед Прониным предстал подтянутый, светловолосый офицер с шевронами бригады на рукаве, в современной экипировке и бронежилете. Это был комбриг полковник. Генерал спросил о ситуации на блокпостах вокруг города. Полковник доложил, что усиленные наряды держат периметр вокруг площади перед ДК, где будет объявлено решение суда.

Пронин приказал выделить из состава бригады две роты. Одна, под командованием Маркова, будет сопровождать колонну с осужденными, автозаки и саперов при отправке на промзону, а по прибытии – обеспечивать верхнее оцепление. Вторую роту немедленно отправить на промзону для организации оцепления. Для усиления охраны периметра генерал попросил комбрига выделить бронегруппу.

Когда полковник покинул балкон, Пронин приказал адъютанту пригласить главу администрации города, двух его заместителей и начальника городской полиции в штаб. При этом добавил, что хочет переговорить с главой администрации до общей встречи, наедине.

Приказ был исполнен быстро. Солнце, нещадно палящее город в эти дни, еще не достигло зенита, когда на верхней террасе у двух бетонных львов, охранявших вход, встретились Пронин и исполняющий обязанности главы администрации города Каифов.

В штабе было тихо. Но, выйдя из-под навеса на залитую солнцем площадку с клумбами, с которой открывался вид на город с его новостройками, блокпостами и – самое главное – на возвышающийся над всем городом телецентр, генерал уловил приглушенный гул снизу, там, где бетонный забор отделял территорию штаба от городской площади. Доносились не то стоны, не то крики.

Пронин понял, что на площади собралась огромная толпа, взбудораженная последними событиями. Толпа в нетерпении ждет решения суда, и в ней снуют торговцы водой.

Прокурор понял, что на площади уже собралась огромная толпа жителей Донецка, взволнованных последними обстрелами и перебоями с водой. Толпа нетерпеливо ждала решения суда, и в ней то и дело слышались крики торговцев водой.

Прокурор начал с того, что пригласил главу администрации на балкон, чтобы укрыться от палящего солнца, но тот вежливо отказался, сославшись на занятость. Прокурор накинул капюшон на свою редющую шевелюру и начал разговор. Разговор шел по-русски.

Прокурор сообщил, что рассмотрел дело Иешуа из Назарета и утвердил смертный приговор.

Таким образом, к смертной казни, которая должна состояться сегодня, приговорены трое мародеров: Дисмас, Гестас, Вар-равван и, кроме того, этот Иешуа из Назарета. Первые двое, пытавшиеся подстрекать народ к бунту против власти, были задержаны с оружием в руках и находятся в ведении прокурора, поэтому о них речь не идет. Последние же, Вар-равван и Иешуа, были задержаны местными властями и осуждены военно-гражданской администрацией. Согласно закону и обычаю, одного из этих двух преступников следует освободить в честь наступающего праздника – Дня России.

Итак, прокурор хотел бы знать, кого из двух преступников администрация намерена освободить: Вар-раввана или Иешуа из Назарета? Глава администрации кивнул, показывая, что вопрос понятен, и ответил:

– Администрация просит освободить Вар-раввана.

Прокурор знал, что именно так ему и ответят, но его задачей было показать, что такой ответ вызывает у него крайнее удивление.

Он и сделал это с большим артистизмом. Брови на надменном лице взлетели вверх, прокурор уставился на главу администрации с изумлением.

– Признаюсь, этот ответ меня удивил, – мягко произнес прокурор, – боюсь, нет ли здесь какой-то ошибки?

Прокурор пояснил. Федеральные власти ни в коей мере не посягают на права местной администрации, главе это прекрасно известно, но в данном случае налицо явная ошибка. И в исправлении этой ошибки федеральная власть, конечно, заинтересована.

В самом деле: преступления Вар-раввана и Иешуа из Назарета совершенно несопоставимы по тяжести. Если второй, явно не совсем в себе человек, виновен лишь в произнесении нелепых речей, смущавших народ в Донецке и окрестностях, то первый совершил гораздо

более тяжкие преступления. Мало того, что он позволял себе прямые призывы к мятежу, он еще и убил сотрудника полиции при попытке задержания. Вар-равван гораздо опаснее, чем Иешуа из Назарета.

В силу всего вышеизложенного прокурор просит главу администрации пересмотреть решение и оставить на свободе того из двух осужденных, кто менее опасен, а таким, без сомнения, является Иешуа из Назарета. И так?

Глава администрации посмотрел прямо в глаза прокурору и тихим, но твердым голосом сказал, что администрация внимательно ознакомилась с делом и повторно сообщает, что намерена освободить Вар-раввана.

– Как? Даже после моей просьбы? Просьбы того, в лице которого говорит федеральная власть? Глава, повторите в третий раз.

– И в третий раз мы сообщаем, что освобождаем Вар-раввана, – тихо сказал глава администрации.

Все было кончено, и говорить больше было не о чем. Иешуа из Назарета уходил навсегда, и страшную, злую боль прокурора некому было облегчить; от нее нет лекарства, кроме смерти. Но не эта мысль поразила сейчас прокурора. Все та же непонятная тоска, что уже приходила на балконе, пронзила все его существо. Он тут же попытался ее объяснить, и объяснение было странным: прокурору смутно показалось, что он чего-то не договорил с осужденным, а может быть, чего-то не дослушал.

Всё кончено, и говорить больше не о чем. "Объект" уходил навсегда, и страшную, гнетущую тревогу полковника никто не мог облегчить; от неё нет лекарства, кроме разве что забвения. Но не эта мысль сейчас терзала Петрова. Всё то же непонятное томление, что уже возникло на совещании, пронзило его насквозь. Он тут же попытался его объяснить, и объяснение было странным: ему смутно казалось, что он чего-то не договорил с задержанным, а может быть, чего-то не расслышал.

Петров отбросил эту мысль, и она улетучилась в одно мгновение, как и появилась. Она исчезла, а тоска осталась необъяснимой, ибо не могла же её объяснить промелькнувшая, как молния, и тут же погасшая какая-то короткая другая мысль: "Бессмертие... пришло бессмертие..." Чьё бессмертие пришло? Этого не понял полковник, но мысль об этом загадочном бессмертии заставила его похолодеть в душном кабинете.

– Хорошо, – сказал Петров, – пусть будет так.

Тут он оглянулся, обвёл взглядом привычный мир своего кабинета и удивился перемене. Исчезли фотографии семьи, исчезли строгие линии шкафов, и карта боевых действий, и даже сам свет. Поплыла вместо этого какая-то багровая муть, в ней закачались обрывки мыслей и потянулись куда-то, а вместе с ними поплыл и сам Петров. Теперь его уносил, сдавливая и обжигая, самый страшный гнев, гнев бессилия.

– Тесно мне, – пробормотал Петров, – тесно мне!

Он холодной влажной рукой сорвал галстук, и тот упал на пол.

– Сегодня душно, где-то гроза надвигается, – отозвался Сидоров, не сводя глаз с покрасневшего лица полковника и предвидя все муки, которые ещё предстоят. "Ох, и тяжёлый месяц выдался!"

– Нет, – сказал Петров, – дело не в духоте, а в том, что мне стало тесно с тобой, Сидоров, – и, прищурившись, Петров улыбнулся и добавил: – Береги себя, генерал.

Тёмные глаза генерала блеснули, и, не хуже, чем ранее полковник, он выразил на своём лице удивление.

– Что я слышу, полковник? – гордо и спокойно ответил Сидоров, – ты угрожаешь мне после вынесенного решения, утверждённого тобой самим? Не может быть! Мы привыкли к тому, что полковник выбирает слова, прежде чем что-нибудь сказать. Не подслушает ли нас кто-нибудь, полковник?

Петров мёртвыми глазами посмотрел на генерала и, оскалившись, изобразил улыбку.

– Что ты, генерал! Кто же может слышать нас здесь? Разве я похож на юного добровольца, которого сегодня отправляют на передовую? Мальчик я, Сидоров? Знаю, что говорю и где говорю. Оцеплена территория, оцеплено здание, так что и мышь не проскочит! Да не только мышь, не проникнет даже этот... из "Азова". Кстати, ты знаешь такого, генерал? Да... если бы такой проник сюда, он горько пожалел бы об этом, в этом ты мне, конечно, поверишь? Так знай же, что не будет тебе, генерал, отныне покоя! Ни тебе, ни твоим людям, – и Петров указал вдаль направо, туда, где вдали виднелись новостройки, – это я тебе говорю – Петров, полковник!

– Знаю, знаю! – бесстрашно ответил Сидоров, и глаза его сверкнули. Он поднял руку к потолку и продолжал: – Знают люди, что ты ненавидишь их лютой ненавистью и много горя ты им причинишь, но вовсе ты их не сломишь! Защитит их правда! Услышат нас, услышит руководство, укроет нас от губителя Петрова!

– Знаю, знаю! – дерзко ответил черноволосый Каифа, и глаза его вспыхнули. Он поднял руку к небу и продолжил: – Знает народ, что ты ненавидишь нас лютой ненавистью и много бед нам причинишь, но не уничтожишь! Защитит нас Бог! Услышит нас, услышит всемогущий президент, защитит от губителя Петрова!

– О нет! – воскликнул Петров, и с каждым словом ему становилось все легче: не нужно было больше притворяться, подбирать слова. – Слишком много ты жаловался президенту на меня, и настал мой час, Каифа! Теперь полетит весть от меня, да не заместнику в область и не в Москву, а прямо в бункер, самому президенту, весть о том, как вы заведомых диверсантов в городе прячете от наказания. И не водой из городского водопровода, как хотел я для вашей пользы, напою я тогда город! Нет, не водой! Вспомни, как мне пришлось из-за вас снимать со стен плакаты, перемещать Росгвардию, пришлось, видишь, самому приехать, смотреть, что у вас тут творится! Вспомни мое слово, глава общины. Увидишь ты не один взвод в городе, нет! Придет под стены города полностью бригада спецназа, подъедет чеченский батальон "Ахмат", тогда услышишь ты горький плач и стенания. Вспомнишь ты тогда спасенного наркомана и пожалеешь, что отправил на нары блогера с его мирными стримами!

Лицо главы общины покрылось пятнами, глаза горели. Он, подобно Петрову, ухмыльнулся, оскалившись, и ответил:

– Веришь ли ты, Петров, сам тому, что сейчас говоришь? Нет, не веришь! Не мир, не мир принес нам смутьян в город, и ты, силовик, это прекрасно понимаешь. Ты хотел его выпустить затем, чтобы он народ взбудоражил, над ценностями надругался и подвел народ под пули! Но я, глава общины, пока жив, не дам на поругание традиции и защищу народ! Ты слышишь, Петров? – И тут Каифа грозно поднял руку: – Прислушайся, Петров!

Каифа замолчал, и Петров снова услышал как бы шум моря, подкатывающего к самым стенам его кабинета. Этот шум поднимался снизу к ногам и в лицо Петрову. А за спиной у него, там, за дверями приемной, слышались тревожные сигналы раций, тяжелый топот сотен ног, лягз амуниции, – тут Петров понял, что ОМОН уже выходит, согласно его приказу, стремясь на страшный для бунтовщиков и диверсантов предсмертный парад.

– Ты слышишь, Петров? – тихо повторил глава общины, – неужели ты скажешь мне, что все это, – тут глава общины поднял обе руки, и темная шапка свалилась с головы Каифы, – вызвал жалкий наркоман?

Петров тыльной стороной ладони вытер мокрый, холодный лоб, посмотрел на пол, потом, прищурившись, в потолок, увидел, что яркий свет почти над самой его головой, а тень Каифы совсем съезжилась у ножки стола, и сказал тихо и равнодушно:

– Дело идет к обеду. Мы увлеклись беседой, а между тем надо продолжать.

В изысканных выражениях извинившись перед главой общины, он попросил его присесть на диван в углу и подождать, пока он вызовет остальных лиц, нужных для последнего краткого совещания, и отдаст еще одно распоряжение, связанное с задержанием.

Принеся свои извинения высокопоставленному представителю духовенства в самых изысканных выражениях, он попросил его присесть на скамейку в тени декоративной яблони и немного подождать, пока он вызовет остальных участников для финального короткого совещания и отдаст последние распоряжения, касающиеся исполнения приговора.

Представитель духовенства вежливо поклонился, приложив руку к сердцу, и остался в саду, а чиновник вернулся на балкон. Там он поручил ожидавшему его секретарю пригласить в сад представителя Росгвардии, командира отряда специального назначения, а также двух членов городской администрации и начальника службы безопасности комплекса "Москва-Сити", которые ждали вызова на террасе ниже, у фонтана. Чиновник добавил, что он сейчас сам спустится, и ушел во внутренние покои.

Пока секретарь собирал совещание, чиновник в комнате, затемненной от солнца плотными шторами, коротко переговорил с человеком, чье лицо было наполовину скрыто капюшоном, хотя солнечные лучи и не могли ему помешать в этой комнате. Разговор был очень коротким. Чиновник тихо произнес несколько слов, после чего человек ушел, а чиновник через колоннаду прошел в сад.

Там, в присутствии всех, кого он хотел видеть, чиновник торжественно и сухо подтвердил, что утверждает обвинительный приговор Имяреку, и официально спросил у представителей городской администрации, кого из задержанных они хотят помиловать. Получив ответ, что это – Некто, чиновник сказал:

– Очень хорошо, – и велел секретарю немедленно занести это в протокол, сжал в руке поднятую секретарем с песка флешку и торжественно произнес: – Пора!

Тут все присутствующие двинулись вниз по широкой мраморной лестнице между стенами роз, источавших пьянящий аромат, спускаясь все ниже и ниже к стене комплекса, к воротам, выходящим на большую, ровно вымощенную площадь, в конце которой виднелись современные небоскребы.

Как только группа вышла из сада на площадь и поднялась на просторную каменную платформу, возвышающуюся над площадью, чиновник, оглядываясь сквозь прищуренные веки, оценил обстановку. Пространство, которое они только что прошли, от стены комплекса до платформы, было пустым, но впереди себя чиновник уже не видел площади – ее поглотила толпа. Она бы заполонила и саму платформу, и очищенное пространство, если бы тройной ряд бойцов Росгвардии по левую руку чиновника и бойцов отряда специального назначения по правую – не сдерживал ее.

Итак, чиновник поднялся на платформу, машинально сжимая в кулаке ненужную флешку и шурясь. Шурился чиновник не оттого, что солнце жгло ему глаза, нет! Он почему-то не хотел видеть группу осужденных, которых, как он прекрасно знал, сейчас вслед за ним выводят на платформу.

Как только белое пальто с красной подкладкой появилось на каменном выступе над краем человеческого моря, до слуха чиновника докатилась звуковая волна: «У-у-у...». Она началась негромко, зародившись где-то вдали, потом стала громopodobной и, продержавшись несколько секунд, начала спадать. «Увидели меня», – подумал чиновник. Волна не дошла до низшей точки и неожиданно снова стала расти и, раскачиваясь, поднялась выше первой, и на второй волне, как на морском валу вскипает пена, вскипел свист и отдельные, сквозь гром различные, женские крики. «Это их вывели на платформу... – подумал чиновник, – а крики оттого, что задавили нескольких женщин, когда толпа подалась вперед».

Он подождал немного, понимая, что никакими приказами не заставишь толпу замолчать, пока она не выплеснет все, что у нее накопилось. Нужно, чтобы сами выкричались.

Когда этот момент наступил, глава администрации поднял правую руку, и шум мгновенно стих.

Тогда Волков набрал в грудь побольше воздуха и громко крикнул, чтобы все слышали:
– Именем Российской Федерации!

В ответ ему несколько раз рывкнули из строя – бойцы Росгвардии, подняв вверх автоматы, прокричали:

– Слава России!

Волков поднял голову и посмотрел прямо на солнце. Под веками вспыхнули яркие пятна, словно от сварки, и он, немного охрипнув, произнес в микрофон:

– Четверо задержанных в ходе спецоперации за диверсии, подстрекательство к беспорядкам и нарушение законов военного времени приговорены к высшей мере наказания – пожизненному заключению! И приговор будет приведен в исполнение немедленно! Имена преступников – Белов, Сидоров, Петренко и Гражданин Н. Вот они перед вами!

Волков указал рукой вправо, не видя самих задержанных, но зная, что они там, где им положено быть.

Толпа ответила протяжным гулом, выражая удивление или облегчение. Когда гул стих, Волков продолжил:

– Но наказаны из них будут только трое, ибо, согласно закону и в честь Дня Победы, одному из осужденных, по решению специальной комиссии и с одобрения администрации президента, даруется помилование!

Волков произносил слова и одновременно слушал, как гул сменяется полной тишиной. Не было слышно ни вдоха, ни шороха, и на мгновение Волкову показалось, что все вокруг исчезло. Ненавистный ему город замер, и только он один стоит, обжигаемый солнцем, глядя в небо. Волков еще немного выдержал тишину, а потом начал выкрикивать:

– Имя того, кто сейчас будет освобожден...

Он сделал еще одну паузу, задерживая имя, проверяя, все ли сказал, потому что знал, что после произнесения имени счастливого человека город взорвется ликованием и никакие другие слова уже не будут услышаны.

«Все? – беззвучно спросил себя Волков. – Все. Имя!»

И, раскатив букву «р» над затихшим городом, он прокричал:

– Петренко!

Ему показалось, что солнце взорвалось над ним, и оглушило его. В этом взрыве смешались рев, визг, стоны, смех и свист.

Волков повернулся и пошел обратно к зданию администрации, глядя только на серую плитку под ногами, чтобы не споткнуться. Он знал, что сейчас за его спиной на площадь градом полетят монеты и цветы, что в ликующей толпе люди, толкаясь, будут лезть друг другу на плечи, чтобы увидеть своими глазами чудо – как человек, уже стоявший на краю, избежал наказания! Как сотрудники ФСИН снимают с него наручники, невольно причиняя боль в затекших руках, как он, морщась, все же улыбается безумной улыбкой.

Он знал, что в это же время конвой уводит к боковому выходу троих со связанными руками, чтобы посадить их в автозак и увезти. Только оказавшись в здании администрации, Волков открыл глаза, зная, что он в безопасности – осужденных он больше не увидит.

Он знал, что в это же время группа сопровождения ведет троих со связанными руками к служебному выходу. Их выведут на дорогу, идущую на запад, за пределы города, в сторону промзоны. Лишь оказавшись за временной сценой, в тылу, полковник Петров открыл глаза, зная, что теперь он в безопасности – видеть этих людей он больше не мог.

К стихающему гулу толпы примешивались теперь пронзительные выкрики из репродукторов, повторявших на русском и английском языках все то, что только что объявил со сцены глава администрации. Кроме того, до слуха долетел дробный, стрекочущий и приближающийся

звук мотора и короткий, веселый сигнал клаксона. Этим звукам ответил сверлящий свист подростков с крыш ближайших домов, выходящих на площадь, и крики «Берегись!».

Солдат, одиноко стоявший в очищенном пространстве площади с сигнальным флажком в руке, тревожно взмахнул им, и тогда полковник Петров, начальник штаба, секретарь и охрана остановились.

Мобильная группа на мотоциклах, набирая скорость, вылетела на площадь, чтобы пересечь ее в стороне, минуя скопление людей, и по узкому проезду вдоль бетонного забора, по которому вился дикий виноград, кратчайшим путем проскочить к промзоне.

Небольшого роста, смуглый, как дагестанец, командир группы, поравнявшись с Петровым, что-то коротко выкрикнул и выхватил из кобуры пистолет. Мотоцикл дернулся, взвился на заднее колесо. Засунув пистолет обратно, командир ударил ногой по бензобаку, выровнял мотоцикл и поехал в проезд, переходя на максимальную скорость. За ним по три в ряд полетели мотоциклисты в туче пыли, мимо полковника понеслись казавшиеся особенно темными под балаклавами лица с весело оскаленными, сверкающими зубами.

Поднимая до неба пыль, группа ворвалась в проезд, и мимо Петрова последним проскочил солдат с рацией за спиной.

Закрываясь от пыли рукой и недовольно морщась, Петров двинулся дальше, направляясь к воротам парка, а за ним двинулись начальник штаба, секретарь и охрана.

Было около десяти часов утра.

Глава 3

Седьмое доказательство

– Да, было около десяти часов утра, уважаемый Игорь Николаевич, – сказал профессор.

Поэт провел рукой по лицу, как человек, только что очнувшийся, и увидел, что в парке уже вечер.

Вода в пруду почернела, и легкий катамаран уже скользил по ней, и слышался плеск весла и смешки какой-то девушки на катамаране. В аллеях на скамейках появилась публика, но опять-таки на всех трех сторонах квадрата, кроме той, где были наши собеседники.

Небо над Москвой как бы выцвело, и совершенно отчетливо была видна в высоте полная луна, но еще не золотая, а белая. Дышать стало гораздо легче, и голоса под липами звучали мягче, по-вечернему.

«Как же это я не заметил, что он успел сплести целый рассказ?.. – подумал Бездомный в изумлении, – ведь вот уже и вечер! А может, это и не он рассказывал, а просто я заснул и все это мне приснилось?»

Но надо полагать, что все-таки рассказывал профессор, иначе придется допустить, что то же самое приснилось и Берлиозу, потому что тот сказал, внимательно всматриваясь в лицо иностранца:

– Ваш рассказ крайне любопытен, профессор, хотя и совершенно расходится с официальной версией событий.

– Помилуйте, – снисходительно усмехнулся профессор, – уж кому, как не вам, знать, что из того, что транслируют по телевизору, не соответствует действительности. И если мы начнем ссылаться на телеграм-каналы как на исторический источник... – он снова усмехнулся, и Берлиоз осекся, потому что буквально то же самое он говорил Бездомному, когда они шли по Садовому кольцу.

– Это так, – заметил Берлиоз, – но боюсь, никто не подтвердит, что и то, что вы нам рассказывали, происходило на самом деле.

– О нет! Это может подтвердить кое-кто! – начиная говорить с нарочитым акцентом, чрезвычайно уверенно ответил профессор и неожиданно таинственно поманил обоих друзей к себе поближе.

Те наклонились к нему с обеих сторон, и он сказал, уже без всякого акцента, который у него, черт знает почему, то пропадал, то появлялся:

– Дело в том... – тут профессор пугливо оглянулся и заговорил шепотом, – что я лично присутствовал при всем этом. И в штабе был, когда решения принимались, и на передовой, когда все начиналось, но только тайно, инкогнито, так сказать, так что прошу вас – никому ни слова и полный секрет!.. Тсс!

Наступило молчание, и Берлиоз побледнел.

– Вы... вы давно в Москве? – дрогнувшим голосом спросил он.

– А я только что приехал в Москву, – растерянно ответил профессор, и тут только приятели догадались заглянуть ему как следует в глаза и убедились в том, что левый глаз у него совершенно безумен, а правый – пуст, черен и мертв.

«Вот тебе все и объяснилось! – подумал Берлиоз в смятении. – Приехал какой-то беженец с Донбасса или только что тронулся умом прямо здесь. Вот так история!»

Да, действительно, объяснилось все: и страннейшие речи про "спецоперацию", и дурацкие рассуждения про беспилотники и "хлопки", и предсказания о том, что все закончится, и все прочее – профессор был сумасшедший.

Берлиоз тотчас сообразил, что следует делать. Откинувшись на спинку скамейки, он за спиной профессора замигал Бездомному: не противоречь, мол, ему. Но растерявшийся поэт этих сигналов не понял.

– Да, да, да, – возбужденно говорил Берлиоз, – впрочем, все это возможно! Даже очень возможно, и мобилизация, и фронт, и тому подобное... А вы один приехали или с семьей?

– Один, один, я всегда один, – горько ответил профессор.

– А где же ваши вещи, профессор? – вкрадчиво спрашивал Берлиоз. – В "Ритце"? Вы где остановились?

– Я? Нигде, – ответил полоумный, тоскливо и дико блуждая зеленым глазом по пруду.

– Как? А... где же вы будете жить?

– В вашей квартире, – вдруг развязно ответил сумасшедший и подмигнул.

– Я... я очень рад, – забормотал Берлиоз, – но, право, у меня вам будет неудобно... А в "Ритце" чудесные номера, это первоклассная гостиница...

– А фейков тоже нет? – вдруг весело осведомился больной у Ивана Николаевича.

– И фейков...

– Не противоречь! – одними губами шепнул Берлиоз, обрушиваясь за спину профессора и гримасничая.

– Нету никаких фейков! – растерявшись от всей этой муры, вскричал Иван Николаевич не то, что нужно. – Вот наказание! Перестаньте вы психовать.

Тут безумный расхохотался так, что с дерева над головами сидящих вспорхнула птица.

Безумец расхохотался так, что с липы над головами вспорхнула синица.

– Ну, это уже интересно, – трясаясь от смеха, проговорил профессор. – Что ни спросишь, ничего нет! – Он внезапно перестал хохотать и, как это бывает при расстройствах психики, после смеха впал в раздражение и сурово крикнул: – Так, значит, совсем нету?

– Успокойтесь, успокойтесь, успокойтесь, профессор, – бормотал Берлиоз, боясь волновать больного. – Вы посидите здесь с товарищем Бездомным, а я сбегаю за угол, позвоню, а потом мы вас проводим, куда вам нужно. Вы же города не знаете...

План Берлиоза был разумен: нужно было добежать до ближайшего банкомата с телефоном и сообщить в миграционную службу, что, мол, приехал консультант из-за границы и сидит в парке в неадекватном состоянии. Надо принять меры, а то получается какая-то ерунда.

– Позвонить? Ну, позвоните, – печально согласился больной и вдруг страстно попросил: – Но умоляю вас напоследок, поверьте хоть в то, что беспилотники существуют! Большого не прошу. Учтите, есть седьмое доказательство, самое надежное! И я вам его сейчас предьявлю.

– Хорошо, хорошо, – фальшиво-ласково говорил Берлиоз и, подмигнув расстроенному поэту, которому совсем не улыбалась перспектива сторожить сумасшедшего немца, направился к выходу из парка, что на углу улицы Бронной и Ермолаевского переулка.

А профессор тут же как будто выздоровел и повеселел.

– Михаил Александрович! – крикнул он вслед Берлиозу.

Тот вздрогнул, обернулся, но успокоил себя мыслью, что его имя и отчество профессор мог узнать из новостей. А профессор прокричал, сложив руки рупором:

– Не хотите ли, я сейчас отправлю сообщение вашему брату в Харьков?

Берлиоза снова передернуло. Откуда сумасшедший знает о брате в Харькове? Об этом точно нигде не писали. Не прав ли Бездомный? А вдруг документы фальшивые? Ах, какой странный тип. Звонить, звонить! Немедленно звонить! Его быстро проверят!

И, ничего не слушая, Берлиоз побежал дальше.

У самого выхода на Бронную со скамейки навстречу редактору поднялся тот самый гражданин, что тогда при свете солнца вылепился из знойного воздуха. Только сейчас он был не воздушный, а обычный, плотный, и в сгущающихся сумерках Берлиоз отчетливо разглядел, что усики у него, как куриные перья, глазки маленькие, ироничные и полупьяные, а брюки клетчатые, подтянутые так, что видны грязные белые носки.

Михаил Александрович попятился, но успокоил себя тем, что это глупое совпадение и сейчас не время об этом думать.

– Турникет ищите, гражданин? – треснувшим тенором осведомился клетчатый тип. – Сюда пожалуйста! Прямо, и выйдете куда надо. С вас бы за указание на бутылку... поправиться... бывшему музыканту! – кривляясь, субъект небрежно снял свою кепку.

Берлиоз не стал слушать попрошайку, подбежал к турникету и взялся за него рукой. Повернув его, он уже собирался шагнуть на тротуар, как в лицо ему брызнул красный и белый свет: загорелась надпись на электронном табло: "Внимание! Опасная зона!"

Берлиоз даже не стал слушать этого назойливого попрошайку, и, подбежав к турникету, схватился за перекладину. Повернув её, он уже собирался шагнуть на платформу, как вдруг в лицо ему ударил яркий красно-белый свет: надпись на электронном табло над турникетом замигала: "Внимание! Поезд!".

И тут же, словно из-под земли, вынырнул трамвай, поворачивающий с улицы Ермолаевской на Бронную по новой ветке. Выйдя на прямой участок, он внезапно засветился изнутри, взвыл электромотором и резко прибавил скорость.

Берлиоз, хоть и стоял вроде бы в безопасном месте, инстинктивно решил отступить назад. Он перехватил перекладину турникета, сделал шаг назад, и тут его рука соскользнула. Нога, словно на льду, поехала по плитам тротуара, спускающимся к рельсам. Вторая нога подвернулась, и Берлиоза выкинуло прямо на пути.

Пытаясь за что-то ухватиться, Берлиоз упал навзничь, несильно ударившись затылком о мостовую. Он успел увидеть в вышине, справа или слева – он уже не понимал, – золотистый серп луны. Он успел перевернуться на бок, судорожно подтянув ноги к животу, и, повернувшись, увидел несущееся на него с огромной скоростью совершенно белое от ужаса лицо вагонновожатой в алой повязке. Берлиоз не вскрикнул, но вокруг него отчаянными женскими головами заголосила вся улица. Вожатая со всей силы нажала на тормоз, вагон клюнул носом в землю, подпрыгнул, и с грохотом и звоном из окон посыпались осколки стекла. В мозгу Берлиоза кто-то отчаянно закричал: "Неужели это конец?!" Ещё раз, в последний раз, мелькнула луна, распадаясь на куски, и затем наступила темнота.

Трамвай проехал по Берлиозу, и под ограждение сквера на Патриарших прудах выбросило на тротуар какой-то круглый тёмный предмет. Скатившись с небольшого уклона, он запрыгал по плитам Бронной.

Это была отрезанная голова Берлиоза.

Глава 4

Погоня

Истерические женские крики стихли, пронзительно засвистели полицейские свистки. Две машины скорой помощи увезли: одну – обезглавленное тело и голову в морг, другую – раненную осколками стекла вагоновожатую. Дворники в оранжевых жилетах убрали осколки стекла и засыпали песком кровавые лужи. А Иван Николаевич как рухнул на скамейку, не добежав до турникета, так и остался на ней сидеть.

Несколько раз он пытался встать, но ноги его не слушались – с Бездомным случился какой-то ступор.

Поэт бросился бежать к турникету, как только услышал первый крик, и видел, как голова подпрыгивала на мостовой. От этого зрелища он настолько ошалел, что, упав на скамейку, укусил себя за руку до крови. Про странного иностранца он, конечно, забыл и пытался понять только одно: как такое возможно, что вот только что он разговаривал с Берлиозом, а через минуту – голова...

Взволнованные люди пробегали мимо поэта по аллее, что-то кричали, но Иван Николаевич не понимал их слов.

Вдруг возле него столкнулись две женщины, и одна из них, с острым носом и растрепанными волосами, закричала прямо в ухо другой:

– Аннушка! Это всё Аннушка! Из нашего дома! Это её рук дело! Купила она в "Магните" бутылку подсолнечного масла, да и разбила её о турникет! Всю юбку себе измазала... Ругалась, ругалась! А он, бедный, получается, поскользнулся на масле и прямо под трамвай...

Из всего, что прокричала женщина, в оглушенный мозг Ивана Николаевича вцепилось одно слово: "Аннушка"...

– Аннушка... Аннушка?... – пробормотал поэт, тревожно озираясь. – Пойдите, пойдите...

К слову "Аннушка" привязалось "подсолнечное масло", а потом почему-то "уклонист". Уклониста поэт отбросил и стал выстраивать цепочку, начиная с "Аннушки". И цепочка эта связалась очень быстро и тут же привела к странному консультанту.

Виноват! Да ведь он же сказал, что встречи не будет, потому что Аннушка разлила масло. И, будьте любезны, ее не будет! Мало того: он прямо сказал, что Берлиозу голову отрежет женщина?! Да, да, да! Ведь волонтер была женщина?! Что же это такое? А?

Не оставалось ни капли сомнения в том, что таинственный консультант точно знал заранее всю картину ужасной смерти Берлиоза. Тут две мысли пронзили мозг поэта. Первая: "Он вовсе не сумасшедший! Все это чушь!", и вторая: "Уж не подстроил ли он это сам?!"

Но, позвольте спросить, каким образом?!

– Э, нет! Это мы узнаем!

Сделав над собой огромное усилие, Иван Николаевич поднялся со скамейки и бросился назад, туда, где разговаривал с консультантом. И оказалось, что тот, к счастью, еще не ушел.

На набережной уже зажглись фонари, а над рекой светила золотая луна, и в лунном, всегда обманчивом, свете Ивану Николаевичу показалось, что тот стоит, держа под мышкой не трость, а автомат.

Отставной тиктокер сидел на том самом месте, где сидел еще недавно сам Иван Николаевич. Теперь тиктокер нацепил себе на нос явно ненужные очки, в которых одного стекла вовсе не было, а другое треснуло. От этого клетчатый гражданин стал еще противнее, чем был тогда, когда указывал Берлиозу путь под машину.

С холодеющим сердцем Иван приблизился к консультанту и, взглянув ему в лицо, убедился в том, что никаких признаков сумасшествия нет и не было.

– Признавайтесь, кто вы такой? – глухо спросил Иван.

Иностранец нахмурился, глянул так, будто впервые видит поэта, и ответил неприязненно:

– Не понимайт... русский говорить... плохо.

– Они не понимают! – ввязался со скамейки тиктокер, хотя его никто и не просил переводить слова иностранца.

– Не притворяйтесь! – грозно сказал Иван и почувствовал холод под ложечкой. – Вы только что прекрасно говорили по-русски. Вы не немец и не профессор! Вы – убийца и шпион! Документы! – яростно крикнул Иван.

Загадочный консультант брезгливо скривил и без того кривой рот и пожал плечами.

– Гражданин! – опять встрял мерзкий тиктокер. – Вы что же это, беспокоите иностранного гостя? За это с вас строго спросят! – а подозрительный консультант сделал надменное лицо, повернулся и пошел от Ивана прочь.

Иван почувствовал, что теряется. Задыхаясь, он обратился к тиктокеру:

– Эй, гражданин, помогите задержать преступника! Вы обязаны это сделать!

Тиктокер чрезвычайно оживился, вскочил и заорал:

– Где твой преступник? Где он? Иностраный преступник? – глаза тиктокера радостно заиграли. – Этот? Если он преступник, то первым делом следует кричать: "Полиция!" А то он уйдет. А ну, давайте вместе! Разом! – и тут тиктокер разинул пасть.

Растерявшийся Иван послушался шутника-тиктокера и крикнул "Полиция!", а тиктокер его обманул, ничего не крикнул.

Одиноким, хриплым криком Ивана хороших результатов не принес. Две какие-то девушки шарханулись от него в сторону, и он услышал слово "пьяный".

– А, так ты с ним заодно? – впадая в гнев, прокричал Иван. – Ты что же это, издеваешься надо мной? Пусти!

Иван кинулся вправо, и тиктокер – тоже вправо! Иван – влево, и тот мерзавец туда же.

– Ты что, специально под ногами крутишься? – взревел Иван, теряя терпение. – Я тебя сам сдам в полицию!

Иван попытался схватить мерзавца за рукав куртки, но промахнулся. Регент словно испарился.

Иван огляделся и увидел ненавистного незнакомца вдалеке. Тот уже был у выхода на бульвар, и не один. К нему присоединился этот подозрительный тип. И это еще не все: третьим в компании оказался огромный черный котяра, размером с небольшую собаку, с длинными, как у гусара, усами. Троица двинулась по бульвару, причем кот шел на задних лапах.

Иван бросился в погоню, но сразу понял, что догнать их будет непросто.

Троица быстро пересекла бульвар и оказалась на Садовом кольце. Сколько Иван ни прибавлял шагу, расстояние не сокращалось. Не успел он опомниться, как оказался у светофора, где ситуация стала еще хуже. Вокруг было полно машин, люди переходили дорогу. Злодеи решили применить излюбленный прием – разделиться.

Регент ловко запрыгнул в маршрутку, идущую в сторону области, и исчез. Потеряв одного из преследуемых, Иван сосредоточился на коте. Он увидел, как тот подошел к электросамокату, припаркованному у тротуара, оттолкнул от него какую-то девушку, вскочил на платформу и умчался.

Поведение кота настолько поразило Ивана, что он застыл на месте, как вкопанный. Но тут его поразило еще больше поведение девушки. Увидев кота на самокате, она завизжала:

– Котам нельзя! Котам нельзя! Слезь, а то в телегу напишу!

Ни девушку, ни прохожих не удивило главное: не то, что кот едет на самокате, а то, что он вообще умеет это делать!

Кот оказался не только умелым, но и дисциплинированным. Услышав крик, он спрыгнул с самоката и сел на тротуаре, поглаживая усы лапой. Но когда девушка попыталась снова встать на самокат, кот поступил как любой, кого выгнали, но кому все равно нужно ехать. Он дождался, пока она отъедет, запрыгнул на заднее колесо и покатил, экономя деньги.

Увлечшись котом, Иван чуть не потерял главного – профессора. Но тот не успел скрыться. Иван увидел серую кепку в толпе людей у входа в метро. В мгновение ока Иван оказался там. Но удачи не было. Он прибавлял шаг, бежал трусцой, толкал прохожих, но ни на сантиметр не приблизился к профессору.

Засмотревшись на этого мерзкого кота, Иван чуть не упустил самого важного – профессора. Но, к счастью, тот не успел далеко уйти. Иван заметил его серую кепку в толпе в начале Тверской, бывшей Горького. В мгновение ока Иван и сам оказался там. Но удача не спешила улыбаться. Поэт и ускорял шаг, и переходил на бег, расталкивая прохожих, но ни на сантиметр не приблизился к профессору.

Как ни был расстроен Иван, его поражала эта сверхъестественная скорость погони. Не прошло и двадцати секунд, как после Тверской площади Иван Николаевич уже был ослеплен огнями на Манежной. Еще несколько секунд, и вот какой-то темный переулок с разбитым асфальтом, где Иван Николаевич споткнулся и содрал колено. Снова освещенная магистраль – улица Волхонка, потом переулок, потом Пречистенка и еще переулок, унылый, грязный и тускло освещенный. И вот здесь Иван Николаевич окончательно потерял того, кто ему так нужен. Профессор исчез.

Иван Николаевич смутился, но ненадолго, потому что вдруг сообразил, что профессор непременно должен быть в доме номер тринадцать и обязательно в квартире сорок семь.

Ворвавшись в подъезд, Иван Николаевич взлетел на второй этаж, сразу нашел нужную квартиру и нетерпеливо позвонил. Ждать пришлось недолго: дверь открыла какая-то девочка лет пяти и, ничего не спрашивая, тут же убежала куда-то.

В огромной, до крайности запущенной прихожей, слабо освещенной маленькой лампочкой под высоким, грязным потолком, на стене висел старый велосипед без колес, стоял огромный сундук, обитый железом, а на полке над вешалкой лежала зимняя шапка, и длинные завязки свисали вниз. За одной из дверей гулкий мужской голос из телевизора сердито читал какие-то стихи.

Иван Николаевич ничуть не растерялся в незнакомой обстановке и сразу направился в коридор, рассуждая так: «Он, конечно, спрятался в ванной». В коридоре было темно. Потыкавшись в стены, Иван увидел слабую полоску света внизу под дверью, нащупал ручку и резко дернул ее. Защелка отскочила, и Иван оказался именно в ванной, и подумал, что ему повезло.

Однако повезло не так уж, как хотелось бы! На Ивана пахло влажным теплом, и при свете тусклой лампочки он разглядел старые тапки, висящие на стене, и ванну, всю в черных страшных пятнах от облупившейся эмали. Так вот, в этой ванне стояла голая женщина, вся в пене и с мочалкой в руках. Она близоруко прищурилась на ворвавшегося Ивана и, очевидно, приняв его за кого-то другого в этом тусклом свете, сказала тихо и весело:

– Кириуша! Хватит дурачиться! Ты что, с ума сошел? Федор Иванович сейчас вернется. Уходи отсюда немедленно! – и махнула на Ивана мочалкой.

Недоразумение было налицо, и виноват в нём был, конечно, Иван Николаевич. Но признаваться в этом он не захотел и, воскликнув укоризненно: "Ах ты, провокаторша!" – тут же зачем-то оказался на кухне. Там никого не было, и на плите в полумраке стояли, молча, несколько остывших электрочайников. Один луч от уличного фонаря, просочившись сквозь грязное, давно не мытое окно, скупо освещал угол, где в пыли и паутине висела старая иконка, из-за которой торчали концы двух поминальных свечей. Под большой иконкой висела маленькая – бумажная, заламинированная.

Никому не известно, какая мысль пришла в голову Ивану, но, прежде чем выбежать в подъезд, он забрал одну из этих свечей, а также и бумажную иконку. С этими предметами он покинул чужую квартиру, что-то бормоча, смущаясь при мысли о том, что он только что пережил в ванной, невольно пытаясь угадать, кто этот наглый Кирилл и не ему ли принадлежит эта дурацкая шапка-ушанка.

В пустынном, мрачном дворе Иван оглянулся, ища беглеца, но того нигде не было. Тогда Иван твёрдо сказал себе:

– Ну конечно, он на набережной! Вперёд!

Следовало бы, пожалуй, спросить Ивана Николаевича, почему он полагает, что этот тип именно на набережной, а не где-нибудь в другом месте. Да беда в том, что спросить-то было некого. Мерзкий двор был совершенно пуст.

Через короткое время можно было увидеть Ивана Николаевича на гранитных ступенях набережной.

Сняв с себя одежду, Иван отдал её какому-то приятному бородачу, курящему самокрутку возле рваной камуфляжной куртки и стоптанных берцев. Помавав руками, чтобы остыть, Иван ласточкой прыгнул в воду. Дух перехватило у него, до того была холодна вода, и мелькнула даже мысль, что не удастся, пожалуй, вынырнуть. Однако вынырнуть удалось, и, отдуваясь и фыркая, с круглыми от ужаса глазами, Иван Николаевич начал плавать в пахнувшей мазутом чёрной воде меж изломанных огней береговых фонарей.

Когда мокрый Иван пританцовывая поднялся по ступеням к тому месту, где осталось под охраной бородача его шмотьё, выяснилось, что похищено не только оно, но и первый, то есть сам бородач. Точно на том месте, где была куча одежды, остались старые треники, рваная камуфляжная куртка, свеча, иконка и коробок спичек. Погрозив в бессильной злобе кому-то вдаль кулаком, Иван облачился в то, что было оставлено.

Тут его стали беспокоить две мысли: первая – это то, что исчез пропуск волонтера, с которым он никогда не расставался, и, вторая – удастся ли ему в таком виде беспрепятственно пройти по городу? Всё-таки в трениках... Правда, кому какое дело, а всё же не случится ли какой-нибудь придирки или задержания.

Иван оторвал штанины треников там, где те затягивались на щиколотке, в расчёте на то, что, может быть, в таком виде они сойдут за бриджи, забрал иконку, свечу и спички и двинулся, сказав самому себе:

– К "Грибоедову"! Вне всяких сомнений, он там.

Город уже жил вечерней жизнью. В пыли пролетали, громыхая, грузовики, на платформах которых, на мешках с песком, раскинувшись животами кверху, лежали какие-то уставшие солдаты. Все окна были открыты. В каждом из этих окон горел свет от настольной лампы, и из всех окон, из всех дверей, из всех подворотен, с крыш и чердаков, из подвалов и дворов вырывался хриплый рев какой-нибудь патриотической песни.

Город жил своей обычной вечерней жизнью. По улицам, поднимая пыль, пронеслись грузовики с гуманитаркой, позвякивая цепями креплений. На платформах, прямо на мешках с помощью, лежали уставшие добровольцы, возвращавшиеся с передовой. В окнах многоэтажек горел свет, льющийся из-под оранжевых абажуров. И почти из каждого окна, из каждой подворотни, из каждого двора доносились обрывки новостей из Telegram-каналов и тревожная музыка, словно реквием по уходящему дню.

Опасения Ивана Николаевича оправдались: прохожие обращали на него внимание, оглядывались. Он решил уйти с центральных улиц и пробираться переулками, где меньше людей, где меньше шансов, что к нему пристанут с вопросами о том, куда он направляется и почему выглядит таким растерянным.

Иван свернул в лабиринт тихих переулков, стараясь идти вдоль стен, пугливо оглядываясь, прячась в тени подъездов и избегая перекрестков с блокпостами и шикарными ворот элитных жилых комплексов.

И на всем его пути его преследовала тревожная музыка, словно аккомпанирующая его страху и неопределенности.

Глава 5

Дело было в Доме Литераторов

Старинное двухэтажное здание кремового цвета стояло в глубине небольшого сквера, отделенного от тротуара кованой решеткой. Перед зданием была заасфальтированная площадка, где летом располагалась летнее кафе под тентом.

Дом назывался "Домом Литераторов", хотя никто уже не помнил, почему. Кажется, когда-то здесь жила какая-то известная писательница, но это не точно. Важно было то, что сейчас в этом доме располагался Союз Литераторов, возглавляемый Михаилом Александровичем Волковым, до своего внезапного исчезновения.

Члены Союза Литераторов называли его просто "Дом Лит": "Я вчера три часа проторчал в Доме Лит", – "Ну и что?" – "Удалось получить аккредитацию на освещение гуманитарной миссии". – "Молодец!". Или: "Зайди к Волкову, он сегодня принимает с двух до трех в Доме Лит..." И так далее.

Союз Литераторов обосновался в Доме Лит с комфортом. Каждый, кто входил в здание, сразу же видел объявления о творческих конкурсах, семинарах и фотографии членов Союза, которыми были увешаны стены лестницы, ведущей на второй этаж.

На двери первой комнаты на втором этаже висела большая табличка: "Секция военной прозы", и рядом был прикреплен плакат с изображением дрона-камикадзе.

На двери комнаты № 2 было написано: "Помощь начинающим авторам. Обращаться к Е. П. Сомовой".

Следующая дверь была помечена краткой, но непонятной надписью: "Редактура". Потом у посетителя начинали разбегаться глаза от надписей на дверях: "Запись на получение гранта у Н. И. Петренко", "Бухгалтерия", "Юридическая консультация"...

Следующая дверь была помечена короткой, но уже ничего не говорящей надписью: «Перельгино». Дальше у случайного посетителя этого офисного центра начинало рябить в глазах от табличек на дверях: «Запись на гуманитарку у Поклевкиной», «Бухгалтерия», «Личные консультации по грантам»...

Пробившись сквозь длинную очередь, начинавшуюся еще внизу, у охраны, можно было увидеть надпись на двери, в которую ежеминутно ломился народ: «Жилищные вопросы».

За дверью с «Жилищными вопросами» висел яркий плакат, изображавший гору, а по ее гребню ехал всадник в камуфляже и с автоматом за плечами. Ниже – пальмы и балкон, на балконе – молодой человек с модной стрижкой, смотрящий куда-то вдаль очень живыми глазами и держащий в руке стилус. Подпись: «Творческие ретриты от двух недель (короткий рассказ) до одного года (роман, трилогия). Крым, Кавказ, Алтай, Белоруссия, даже Санкт-Петербург (Эрмитаж!)». У этой двери тоже была очередь, но не такая большая, человек сто пятьдесят.

Далее, повинувшись прихотливым изгибам коридоров, шли: «Администрация Союза Писателей», «Касса № 2, 3, 4, 5», «Редколлегия», «Председатель Союза», «Комната отдыха», разные подсобки, и, наконец, тот самый зал с панорамными окнами, где начальство наслаждалось четкой сценария нового сериала.

Любой посетитель, если он, конечно, не был совсем уж дураком, попадая сюда, сразу понимал, как хорошо живет счастливчикам – членам Союза Писателей, и черная зависть начинала его грызть. И тут же он обращался к небу с горькими упреками за то, что оно не наградило его при рождении литературным талантом, без которого, естественно, нечего было и мечтать о членском билете Союза, ламинированном, с голограммой, – известном всей Москве пропуске в мир роскоши.

Кто скажет что-нибудь в защиту зависти? Это чувство низменное, но все же надо понять и посетителя. Ведь то, что он видел наверху, было не все и далеко не все. Весь первый этаж занимал ресторан, и какой ресторан! По праву он считался лучшим в городе. И не только потому, что располагался в двух больших залах с высокими потолками и современной росписью, не только потому, что на каждом столе стояла лампа с абажуром, создающая уют, не только

потому, что туда не мог зайти кто попало с улицы, а еще и потому, что качеством продуктов этот ресторан превосходил любой другой в Москве, и цены при этом были вполне приемлемые.

Поэтому нет ничего удивительного в таком разговоре, который однажды услышал автор этих правдивых строк у шлагбаума перед входом:

– Где сегодня ужинаешь, Амвросий?

– Что за вопрос, конечно, здесь, дорогой Фока! Арчибальд Арчибальдович сказал, что сегодня будет судак конфи. Просто шедевр!

– Умеешь ты жить, Амвросий! – со вздохом ответил тощий, замученный Фока румяному гиганту, златовласому, круглолицему Амвросию-блогеру.

– Да никакого особого умения и нет, – возразил Амвросий, – обычное желание жить по-человечески. Ты хочешь сказать, Фока, что суши можно поесть и в "Ривьере"? Но в "Ривьере" сет роллов стоит тысячу двести, а тут – семьсот! И потом, в "Ривьере" рыба может быть вчерашняя, да и нет гарантии, что не нарвешься на какого-нибудь мажора, который решит, что ты не так на его девушку посмотрел. Нет, я категорически против "Ривьеры", – гремел на всюлицу Амвросий. – Не уговаривай меня, Фока!

– Я и не уговариваю, Амвросий, – пропищал Фока. – Дома можно пельменей сварить.

– Уволь, – отрезал Амвросий, – представляю себе твою жену, пытающуюся в кастрюльке на общей кухне в хрущевке соорудить роллы "Филадельфия"! Хи-хи-хи!.. Пока, Фока! – и, напевая, Амвросий направился к летней площадке кафе.

Эх-хо-хо... Да, было время!.. Помнят киевские старожилы знаменитый "Днипро"! Что эти ваши роллы! Дешевка это, милый Амвросий! А осетрина, осетрина в серебристой кастрюльке, кусками, переложенными раковыми шейками и свежей икрой? А яйца-кокотт с шампиньоновым пюре в чашечках? А перепела по-генуэзски? Да живая музыка, да вежливое обслуживание! А в июле, когда вся семья в Европе, а тебя срочные дела держат в городе, – на веранде, в тени винограда, в золотом пятне на чистой скатерти тарелочка гаспачо? Помните, Амвросий? Ну что же спрашивать! По губам вашим вижу, что помните. Что ваши роллы! А шипящий в горле "Боржом"?! Но довольно, ты отвлекаешься, читатель! За мной!..

В половине одиннадцатого часа того вечера, когда Берлиоз погиб на Владимирской горке, в "Днипре" наверху была освещена только одна комната, и в ней томились двенадцать литераторов, собравшихся на совещание и ожидавших Михаила Александровича.

Сидящие на стульях, на столах и даже на двух подоконниках в кабинете правления ЛИТКОМа серьезно страдали от духоты. Ни одна свежая струя не проникала в открытые окна. Киев отдавал накопленный за день в асфальте жар, и ясно было, что ночь не принесет облегчения. Пахло жареной картошкой из кухни, и всем хотелось пить, все нервничали и сердились.

Беллетрист Бескудников – тихий, прилично одетый человек с внимательными и в то же время неуловимыми глазами – вынул телефон. Время приближалось к одиннадцати. Бескудников ткнул пальцем в экран, показал его соседу, поэту Двубратскому, сидящему на столе и от тоски болтающему ногами, обутыми в белые кроссовки.

– Однако, – проворчал Двубратский.

– Наверное, в пробке на Оболони застрял, – густым голосом отозвалась Настасья Лукинишна Непременова, киевская бизнесвумен, ставшая писательницей и сочиняющая остросюжетные детективы под псевдонимом "Наталья Север".

– Разрешите! – громко сказал автор популярных Telegram-скетчей Загринов. – Я бы сейчас тоже с удовольствием на балконе кофе пил, вместо того чтобы тут париться. Вроде на десять совещание назначено?

– А сейчас хорошо где-нибудь в Подмосковье, – поддела Штурман Жорж, зная, что дачные поселки – общее больное место. – Там уже, наверное, птицы поют. Мне всегда как-то лучше работается за городом, особенно весной.

– Третий год доначу, чтобы жену с её болячками в санаторий отправить, да что-то тишина, – ядовито сказал новеллист Поприхин.

– Кому как повезет, – пробурчал критик Абабков с подоконника.

Штурман Жорж оживилась и смягчила тон:

– Не надо, товарищи, завидовать. Коттеджей всего ничего, а нас в Союзе писателей – три тысячи.

– Три тысячи сто одиннадцать человек, – вставил кто-то из угла.

– Ну вот видите, – протянула Штурман, – что же делать? Естественно, что участки получили самые заслуженные...

– Генералы! – прямо сказал сценарист Глухарев.

Бескудников демонстративно зевнул и вышел.

– У одного пятикомнатный дом, – вслед ему сказал Глухарев.

– У Лавровича вообще особняк, – воскликнул Денискин, – и кабинет обшит деревом!

– Э, сейчас не об этом, – проворчал Абабков, – а о том, что уже почти двенадцать.

Начался шум, назревал скандал. Стали звонить в этот ненавистный поселок, попали не туда, к Лавровичу, узнали, что Лаврович ушел на рыбалку, и совсем расстроились. Наугад позвонили в комиссию по культуре по добавочному номеру и, конечно, никого там не нашли.

– Мог бы и позвонить! – кричали Денискин, Глухарев и Квант.

Ах, кричали они зря: не мог Михаил Александрович позвонить никуда. Далеко от офиса Союза писателей, в огромном зале морга, освещенном яркими лампами, на трех металлических столах лежало то, что еще недавно было Михаилом Александровичем.

На первом – обнаженное, в засохшей крови, тело с переломанной рукой и раздавленной грудной клеткой, на другом – голова с выбитыми зубами, с застывшими открытыми глазами, которые не пугал яркий свет, а на третьем – груды окровавленной одежды.

Возле обезглавленного тела стояли: судмедэксперт, патологоанатом и его ассистент, следователи и вызванный по телефону от больной жены заместитель Михаила Александровича по Союзу писателей – литератор Желдыбин.

За Желдыбиным заехала машина и, первым делом, вместе со следствием, отвезла его (около полуночи) в квартиру убитого, где была произведена опись и опечатывание бумаг, а затем все поехали в морг.

Теперь стоящие у останков покойного совещались, как лучше поступить: пришить ли отрезанную голову к шее или выставить тело в зале Союза писателей, просто закрыв погибшего до подбородка черной тканью?

Да, Михаил Александрович никуда не мог позвонить, и совершенно напрасно возмущались и кричали Денискин, Глухарев, Квант и Бескудников. Ровно в полночь все двенадцать литераторов покинули верхний этаж и спустились в ресторан. Тут опять недобрым словом помянули Михаила Александровича: все столики на веранде, конечно, оказались занятыми, и пришлось ужинать в этих красивых, но душных залах.

Разумеется, Михаил Александрович был вне зоны доступа, и все возмущения Денискина, Глухарева, Кванта и Бескудникова были совершенно напрасны. Ровно в полночь все двенадцать литераторов покинули верхний этаж и спустились в ресторан. Тут опять вспомнили Михаила Александровича недобрым словом: все столики на веранде, естественно, оказались заняты, и пришлось ужинать в этих красивых, но душных залах.

И ровно в полночь в первом из них что-то грохнуло, зазвенело, посыпалось, запрыгало. И тотчас тонкий мужской голос отчаянно закричал под музыку: "Аллилуйя!!" Это ударил знаменитый грибоедовский джаз. Покрытые испариной лица как будто засветились, показалось, что ожили на потолке нарисованные лошади, в лампах как будто прибавили свету, и вдруг, как бы сорвавшись с цепи, заплясали оба зала, а за ними и веранда.

Заплясал Глухарев с поэтессой Тamarой Полумесяц, заплясал Квант, заплясал Жуков-романист с какой-то киноактрисой в желтом платье. Плясали: Драгунский, Чердакчи, маленький Денискин с гигантской Штурман Джоржем, плясала красавица архитектор Семейкина-Галл, крепко схваченная неизвестным в белых льняных брюках. Плясали свои и приглашенные гости, московские и приезжие, писатель Иоганн из Кронштадта, какой-то Витя Куфтик из Ростова, кажется, режиссер, с лиловым пятном во всю щеку, плясали виднейшие представители поэтического подразделения МАССОЛИТа, то есть Павианов, Богохульский, Сладкий, Шпичкин и Адельфина Буздяк, плясали неизвестной профессии молодые люди в стрижке "бокс", с подбитыми ватой плечами, плясал какой-то очень пожилой с бородой, в которой застряло перышко зеленого лука, плясала с ним пожилая, измученная анемией девушка в оранжевом шелковом измятом платье.

Обливаясь потом, официанты несли над головами запотевшие кружки с пивом, хрипло и с ненавистью кричали: "Виноват, гражданин!" Где-то в динамике голос командовал: "Карский раз! Зубрик два! Фляки господарские!!" Тонкий голос уже не пел, а завывал: "Аллилуйя!". Грохот тарелок в джазе иногда заглушал грохот посуды, которую посудомойки по наклонной плоскости спускали в кухню. Словом, ад.

И было в полночь видение в аду. Вышел на веранду черноглазый красавец с кинжальной бородкой, в дорогом костюме, и царственным взором окинул свои владения. Говорили, говорили знатоки конспирологии, что было время, когда красавец носил не костюм, а камуфляж, и командовал отрядом добровольцев где-то под Бахмутом.

Но нет, нет! Лгут эти конспирологи, никаких добровольческих отрядов нет на свете, и не гремят там взрывы, и не летят над головой дроны. Нет ничего, и ничего и не было! Вон чахлая липа есть, есть чугунная решетка и за ней бульвар... И тает лед в бокале, и видны за соседним столиком налитые кровью чьи-то глаза, и страшно, страшно... О боги, боги мои, успокоительное мне, успокоительное!..

И вдруг за столиком вырвалось слово: "Берлиоз!!!" Вдруг джаз развалился и затих, как будто кто-то выключил его. "Что, что, что, что?!!!" – "Берлиоз!!!" И все стали вскакивать, вскакивать.

Да, взметнулась волна горя при страшном известии о Михаиле Александровиче. Кто-то суетился, кричал, что необходимо сейчас же, тут же, не сходя с места, составить какую-то коллективную петицию и немедленно отправить её.

Да, новость о гибели Михаила Александровича пронзила всех, как удар дрона. Кто-то заметался, предлагая срочно составить коллективное сообщение в Telegram и отправить его.

Но кому? И зачем? Кому нужна эта телега, когда его голову сейчас изучают судмедэксперты? Он погиб, и никакое сообщение ему уже не поможет. Все кончено, не будем забивать эфир.

Да, погиб... Но мы-то живы!

Горе захлестнуло, но быстро схлынуло, и кое-кто уже вернулся к своему столику и – сначала украдкой, а потом и в открытую – налил стопку и закусил. В самом деле, не пропадать же котлетам по-киевски? Чем мы поможем Михаилу Александровичу? Тем, что останемся голодными? Ведь мы-то живы!

Рояль закрыли, музыканты разошлись, несколько журналистов уехали в свои редакции писать некрологи. Приехал Желдыбин из морга. Говорили, что он займет кабинет Берлиоза и его место. Желдыбин вызвал к себе из ресторана всех членов правления, и они начали обсуждать организацию прощания, перевозку тела и прочие формальности.

А ресторан продолжал жить своей ночной жизнью и жил бы до утра, если бы не произошло нечто, поразившее всех куда больше, чем известие о гибели Берлиоза.

Первыми заволновались таксисты, дежурившие у шлагбаума. Один из них крикнул: – Эй, гляньте-ка!

У ограды вспыхнул огонек и стал приближаться к веранде. Люди за столиками стали подниматься и увидели, что к ресторану идет белое привидение. Когда оно приблизилось, все замерли с кусками рыбы на вилках. Охранник, вышедший покурить, затушил окурок и двинулся к привидению, но остановился, глупо улыбаясь.

И привидение, пройдя через ограду, беспрепятственно вступило на веранду. Тут все увидели, что это не привидение, а Иван Николаевич Бездомный – известный поэт.

Он был босой, в рваной белой толстовке, к которой булавкой была приколота бумажная иконка с изображением святого, и в полосатых кальсонах. В руке он нес зажженную свечу. Правая щека была изодрана. На веранде воцарилась тишина. У одного из официантов пиво выливалось из кружки на пол.

Поэт поднял свечу над головой и громко сказал:

– Привет, други! – после чего заглянул под ближайший столик и воскликнул: – Нет, его здесь нет!

Послышались голоса. Бас сказал:

– Все ясно. Белая горячка.

А женский голос испуганно произнес:

А второй голос, женский, полный испуга, прошептал:

– Как его вообще по городу в таком виде пропустили? Где полиция?

Иван Николаевич услышал и тут же откликнулся:

– Дважды пытались задержать, возле "Скатерти" и здесь, на Бронной, но я через забор перемахнул, вот, щеку поцарапал! – Он поднял остаток свечи и закричал: – Братья по перу! (Осипший голос окреп и зазвучал горячо.) Слушайте все! Он явился! Ловите его немедленно, иначе он натворит непоправимого!

– Что? Что он сказал? Кто явился? – разнеслись голоса со всех сторон.

– Консультант! – ответил Иван. – И этот консультант только что убил на Патриарших Мишу Берлиоза.

Из внутреннего зала народ хлынул на веранду, вокруг Ивана и его свечи образовалась плотная толпа.

– Простите, простите, скажите точнее, – послышался над ухом Ивана тихий и вежливый голос. – Скажите, как это убил? Кто убил?

– Иностраннный консультант, профессор и, скорее всего, шпион! – озираясь, ответил Иван.

– А как его фамилия? – тихо спросили на ухо.

– Вот в том-то и дело! – в отчаянии воскликнул Иван. – Если бы я знал фамилию! Не разглядел я фамилию на визитке... Помню только первую букву "В", на "В" фамилия! Какая же это фамилия на "В"? – Схватившись рукой за лоб, Иван сам у себя спросил и вдруг забормотал: – В, в, в! Ва... Во... Вашнер? Вагнер? Вайнер? Вегнер? Винтер? – Волосы на голове Ивана зашевелились от напряжения.

– Вульф? – жалобно выкрикнула какая-то женщина.

Иван вспылал.

– Дура! – заорал он, ища глазами крикнувшую. – При чем здесь Вульф? Вульф ни в чем не виноват! Во, во... Нет! Так не вспомню! Ну вот что, граждане: звоните сейчас в полицию, пусть вышлют пять дронов с тепловизорами, профессора ловить. Да не забудьте сказать, что с ним еще двое: какой-то длинный, в клетчатом... очки треснули... и кот черный, жирный. А я пока что обыщу "Грибоедова"... Я чувю, что он здесь!

Иван забеспокоился, растолкал окружающих, начал размахивать свечой, обжигая себя воском, и заглядывать под столы. Тут послышалось слово: "Врача!" – и чье-то ласковое мясистое лицо, бритое и упитанное, в роговых очках, возникло перед Иваном.

– Товарищ Бездомный, – заговорило это лицо юбилейным голосом, – успокойтесь! Вы расстроены смертью всеми нами любимого Михаила Александровича... нет, просто Миши Берлиоза. Мы все это прекрасно понимаем. Вам нужен покой. Сейчас товарищи проводят вас в палату, и вы забудетесь...

– Ты, – ощетинившись, перебил Иван, – понимаешь ли, что надо поймать профессора? А ты лезешь ко мне со своими глупостями! Кретин!

– Товарищ Бездомный, помилуйте, – ответило лицо, краснея, пятась и уже раскаиваясь, что ввязалось в это дело.

– Нет, уж кого-кого, а тебя я не помилую, – с тихой ненавистью сказал Иван Николаевич.

Судорога исказила его лицо, он быстро переложил свечу из правой руки в левую, широко размахнулся и ударил участливое лицо по уху.

Тут догадались броситься на Ивана – и бросились. Свеча погасла, и очки, соскочившие с лица, были мгновенно растоптаны. Иван издал страшный боевой вопль, слышный к общему соблазну даже на бульваре, и начал защищаться. Зазвенела падающая со столов посуда, закричали женщины.

Пока официанты вязали поэта полотенцами, в раздевалке шел разговор между командиром охраны и швейцаром.

– Ты видел, что он в одних трусах? – холодно спрашивал пират.

– Да ведь, Арчибальд Арчибальдович, – труся, отвечал швейцар, – как же я могу их не пустить, если они – члены литобъединения?

– Ты видел, что он в одних трусах? – повторял пират.

– Ты видел, во что он одет? – не унимался "пират".

– Ну что я могу сделать, Аркадий Аркадьевич? – оправдывался швейцар, заливаясь краской. – Я понимаю, на веранде люди сидят.

– Люди тут ни при чем, им все равно, – отрезал "пират", прожигая швейцара взглядом. – А вот полиции не все равно! В таком виде по городу можно ходить только в сопровождении полиции, и только в одно место – в отделение! Ты, как сотрудник, должен знать: увидел такое – сразу свистеть. Понял?

Ошарашенный швейцар услышал с веранды грохот, звон разбитой посуды и женские вскрики.

– Что с тобой за это сделать? – процедил "флибустьер".

Лицо швейцара приобрело землистый оттенок, взгляд потух. Ему почудилось, что его тщательно уложенные волосы вспыхнули огнем. Исчезли пиджак и галстук, а за поясом возникла рукоять пистолета. Швейцар представил себя висющим на рее, с высунутым языком и безжизненной головой, упавшей на плечо, и даже услышал плеск волны за бортом. Колени его задрожали. Но тут "флибустьер" сжалился и смягчил взгляд.

– Слушай, Николай! Это последний раз. Нам такие сотрудники не нужны. Иди лучше в церковь сторожем. – С этими словами командир отдал четкий приказ: – Пантелея из буфетной. Полицию. Протокол. Машину. В психушку. – И добавил: – Свисти!

Через пятнадцать минут изумленная публика не только в ресторане, но и на бульваре и в окнах окрестных домов наблюдала, как из ворот "Грибоедова" Пантелей, швейцар, полицейский, официант и поэт Рюхин выносили молодого человека, спеленутого, как куклу. Тот, захлебываясь слезами, плевался, целясь в Рюхина, и кричал:

– Подонки!

Водитель "Газели" со злобным лицом заводил мотор. Рядом таксист нетерпеливо похлопывал лошадь по крупу.

– А вот на такси! Я возил в психушку!

Вокруг гудела толпа, обсуждая невиданное происшествие. Словом, разразился мерзкий скандал, который закончился лишь тогда, когда "Газель" увезла от ворот "Грибоедова" несчастного Ивана Николаевича, полицейского, Пантелея и Рюхина.

Глава 6

Шизофрения, как и было сказано

В приемной известной психиатрической клиники под Москвой, недавно отстроенной на берегу реки, было полвторого ночи, когда вошел человек с острой бородкой в белом халате. Трое санитаров не сводили глаз с Ивана Николаевича, сидящего на диване. Рядом нервно переминался с ноги на ногу поэт Рюхин. Веревки, которыми был связан Иван Николаевич, лежали тут же, на диване. Руки и ноги его были свободны.

Увидев вошедшего, Рюхин побледнел, откашлялся и робко произнес:

– Здравствуйте, доктор.

Доктор кивнул Рюхину, но смотрел не на него, а на Ивана Николаевича.

Тот сидел неподвижно, сдвинув брови, со злобным выражением лица, и даже не шелохнулся при появлении врача.

– Вот, доктор, – почему-то шепотом заговорил Рюхин, оглядываясь на Ивана Николаевича, – известный поэт Иван Бездомный... видите ли... мы опасаемся, не белая ли горячка...

– Сильно пил? – процедил доктор.

– Нет, выпивал, но не то чтобы...

– Тараканов, крыс, чертей или бегающих собак не ловил?

– Тараканов, крыс или галлюцинации не ловил?

– Нет, – вздрогнув, ответил Рюхин, – я его вчера видел и сегодня утром. Он был совершенно адекватен...

– А почему в трусах? Прямо с кровати забрали?

– Он, доктор, в таком виде в "Кофеманию" пришёл...

– Ага, ага, – очень удовлетворенно сказал доктор, – а почему ссадины? В "Телеграме" с кем-то сцепился?

– Он с бордюра упал, а потом в ресторане одного зацепил... И ещё кое-кого...

– Так, так, так, – сказал доктор и, повернувшись к Ивану, добавил: – Здравствуйте!

– Здорово, вредитель! – злобно и громко ответил Иван.

Рюхин сконфузился до того, что не посмел поднять глаза на вежливого доктора. Но тот ничуть не обиделся, а привычным, ловким жестом снял очки, приподняв полу халата, спрятал их в задний карман брюк, а затем спросил у Ивана:

– Сколько вам лет?

– Да пошли вы все к чёрту, в самом деле! – грубо закричал Иван и отвернулся.

– Почему же вы сердитесь? Разве я сказал вам что-нибудь неприятное?

– Мне двадцать три года, – возбужденно заговорил Иван, – и я подам жалобу на вас всех. А на тебя в особенности, гнида! – отнёсся он отдельно к Рюхину.

– А на что же вы хотите пожаловаться?

– На то, что меня, здорового человека, схватили и силой приволокли в психушку! – в гневе ответил Иван.

Здесь Рюхин всмотрелся в Ивана и похолодел: решительно никакого безумия не было у того в глазах. Из мутных, как они были в "Грибоедове", они превратились в прежние, ясные.

«Батюшки! – испуганно подумал Рюхин, – да он и впрямь нормальный? Вот чепуха какая! Зачем же мы, в самом деле, сюда-то его притащили? Нормален, нормален, только рожа расцарапана...»

– Вы находитесь, – спокойно заговорил врач, присаживаясь на белый табурет на блестящей ноге, – не в психушке, а в клинике, где вас никто не станет задерживать, если в этом нет необходимости.

Иван Николаевич покосился недоверчиво, но все же пробурчал:

– Слава богу! Нашёлся наконец хоть один нормальный среди идиотов, из которых первый – балбес и бездарность Сашка!

– Кто этот Сашка-бездарность? – осведомился врач.

– А вот он, Рюхин! – ответил Иван и ткнул грязным пальцем в направлении Рюхина.

Тот вспыхнул от негодования.

«Это он мне вместо спасибо! – горько подумал он, – за то, что я принял в нём участие! Вот уж, действительно, сволочь!»

– Типичный ватник по своей психологии, – заговорил Иван Николаевич, которому, очевидно, приспичило обличать Рюхина, – и притом ватник, тщательно маскирующийся под либерала. Посмотрите на его постную физиономию и сравните с теми патриотическими постами, которые он постит в "Телеграме"! Хе-хе-хе... "За победу!" да "Всё для фронта!"... А вы загляните к нему внутрь – что он там думает... вы ахнете! – и Иван Николаевич зловеще рассмеялся.

Рюхин тяжело дышал, был красен и думал только об одном, что он пригрел у себя на груди змею, что он принял участие в том, кто оказался на поверку злым врагом. И главное, и поделаться ничего нельзя было: не ругаться же с душевнобольным?!

– А почему вас, собственно, доставили к нам? – спросил врач, внимательно выслушав обличения Бездомного.

– Да чёрт их возьми, придурков! Схватили, связали какими-то тряпками и поволокли в "Газели"!

– Позвольте вас спросить, вы почему в ресторан пришли в одних трусах?

– Ничего тут нету удивительного, – ответил Иван, – пошёл я купаться на Москва-реку, ну и скоммуниздили мою одежду, а эту дрянь оставили! Не голым же мне по Москве идти? Надел что было, потому что спешил в "Кофеманию" к этим...

Врач вопросительно посмотрел на Рюхина, и тот угрюмо пробормотал:

– "Донбасс Арена" так называется.

– Понятно, – сказал врач, – а чего так спешили? Какая-то важная встреча?

– Я консультанта вычисляю, – ответил Иван Николаевич и тревожно оглянулся.

– Какого консультанта?

– Вы Захарченко знаете? – спросил Иван многозначительно.

– Это... певец?

Иван расстроился.

– Какой там певец? Ах да, да нет! Певец – это однофамилец Саши Захарченко!

Рюхину не хотелось ничего объяснять, но пришлось.

– Главу ДНР Захарченко взорвали в ресторане в центре Донецка.

– Не гони, чего не знаешь! – огрызнулся Иван на Рюхина, – я, а не ты там был! Это он его под взрывчатку подвел!

– Подставил?

– Да причем здесь "подставил"? – раздраженно воскликнул Иван, – ему и подставлять не надо! Он такие штуки вытворяет, что только держись! Он заранее знал, что Захарченко взорвут!

– А кто-нибудь, кроме вас, видел этого консультанта?

– В том-то и дело, что только я и Захарченко.

– Так. Какие меры вы предприняли, чтобы поймать этого убийцу? – тут врач повернулся и бросил взгляд женщине в белом халате, сидящей за столом в углу. Та достала бланк и стала заполнять графы.

– Меры вот какие. Взял я на кухне зажигалку...

– Вот эту? – спросил врач, указывая на сломанную зажигалку, лежащую на столе рядом с маленькой иконкой перед женщиной.

– Эту самую, и...

– А иконка зачем?

– Ну да, иконка... – Иван покраснел, – иконка-то больше всего и напугала, – он опять ткнул пальцем в сторону Рюхина, – но дело в том, что он, консультант, он, прямо скажем... с дронами связан... и так его не возьмешь.

Санитары почему-то вытянулись по стойке "смирно" и не сводили глаз с Ивана.

– Да-с, – продолжал Иван, – связан! Тут факт неоспоримый. Он лично с Гиркиным переписывался. Да нечего на меня так смотреть! Правду говорю! Все видел – и Telegram, и передовую. Был, словом, в штабе у Гиркина, за это я ручаюсь.

– Ну-ну...

– Ну вот, значит, я иконку в карман засунул и побежал...

Вдруг часы пробили два раза.

– Эге-гей! – воскликнул Иван и вскочил с дивана, – два часа, а я с вами время теряю!

Извините, где телефон?

– Пропустите к телефону, – приказал врач санитарам.

Иван схватил трубку, а женщина тихо спросила у Рюхина:

– Женат он?

– Холост, – испуганно ответил Рюхин.

– Член Союза писателей?

– Да.

– Полиция? – заорал Иван в трубку, – полиция? Товарищ дежурный, прикажите немедленно выслать пять групп быстрого реагирования для поимки иностранного консультанта. Что? Заезжайте за мной, я сам с вами поеду... Говорит поэт Бездомный из психбольницы... Как ваш адрес? – шепотом спросил Бездомный у доктора, прикрывая трубку ладонью, – а потом снова заорал в трубку: – Вы слушаете? Алло!.. Безобразия! – вдруг завопил Иван и швырнул трубку в стену. Затем он повернулся к врачу, протянул ему руку, сухо сказал "до свидания" и направился к выходу.

– Помилуйте, куда же вы хотите идти? – заговорил врач, вглядываясь в глаза Ивана, – глубокой ночью, в пижаме... Вы плохо себя чувствуете, оставайтесь у нас!

– Пропустите-ка, – сказал Иван санитарам, вставшим у двери. – Пропустите или нет? – страшным голосом крикнул поэт.

Рюхина затрясло, а женщина нажала кнопку на столике, и на его глянцевої поверхности возникла аккуратная коробочка с запечатанной ампулой.

– Ах, вот как?! – дико озираясь, проговорил Иван. – Ну, ладно же! Прощайте... – и бросился головой вперед в окно. Раздался глухой удар, но бронированное стекло выдержало, и через секунду Ивана скрутили санитары. Он хрипел, пытался вырваться, кричал:

– Вот какие у вас тут стеклышки! Отпустите! Я сказал, отпустите!

Врач достал шприц. Женщина резко разорвала рукав его старой толстовки и вцепилась в руку Ивана с неженской силой. По запаху чувствовался эфир. Иван обмяк в руках санитаров, и врач быстро вколол ему иглу. Его подержали еще несколько секунд и опустили на диван.

– Бандиты! – прокричал Иван и попытался вскочить, но его снова усадили. Едва его отпустили, он снова попытался встать, но на этот раз сел сам. Он помолчал, дико озираясь, потом вдруг зевнул и злобно усмехнулся.

– Заточили все-таки, – сказал он, зевнул еще раз, неожиданно лег, положил голову на подушку, кулак по-детски под щеку и забормотал сонным голосом, уже без злобы: – Ну и хорошо... Сами за все ответите. Я предупредил, а там как хотите! Меня сейчас больше всего интересует этот волонтерский штаб... Штаб... – и он закрыл глаза.

– Ванна, в сто семнадцатую палату и пост к нему, – распорядился врач, надевая очки. Рюхин снова вздрогнул: бесшумно открылись белые двери, за ними виднелся коридор, освещенный

щенный тусклыми синими ночниками. Из коридора выехала каталка на резиновых колесах. На нее переложили затихшего Ивана, и его увезли, а двери за ним закрылись.

– Доктор, – шепотом спросил потрясенный Рюхин, – он, правда, болен?

– Да, – ответил врач.

– А что с ним? – робко спросил Рюхин.

Усталый врач посмотрел на Рюхина и вяло ответил:

– Двигательное и речевое возбуждение... Бредовые идеи... Случай, видимо, сложный... Шизофрения, скорее всего. Плюс алкоголизм...

Рюхин ничего не понял, кроме того, что дела у Ивана Николаевича плохи. Он вздохнул и спросил:

– А что он все про какого-то консультанта говорил?

– Наверное, увидел кого-то, кто поразил его расстроенное воображение. Или галлюцинации...

Через несколько минут грузовик вез Рюхина обратно в Москву. Рассветало, и свет еще не погашенных фонарей на трассе был уже не нужен и даже неприятен. Водитель злился, что ночь пропала, гнал машину изо всех сил, и ее заносило на поворотах.

Вот и лес остался где-то позади, и река ушла в сторону. Навстречу грузовику неслись блокпосты с бетонными блоками и мешками с песком, вышки сотовой связи, груды щебня, земля, изрытая траншеями, – словом, чувствовалось, что вот-вот она, Москва, появится из-за поворота и навалится всей своей тяжестью.

Рюхина трясло и швыряло, какой-то обломок доски, на котором он сидел, то и дело пытался выскользнуть из-под него. Бумажные полотенца из кафе, оставленные уехавшими ранее военными и этим Пантелеем, летали по кузову. Рюхин попытался их собрать, но, почему-то злобно прошипев: «Да ну их к черту! Что я, как дурак, должен тут ползать?..» – отбросил их ногой и перестал обращать на них внимание.

Рюхина трясло, как в старом автобусе на ухабах, а доска, на которой он сидел в кузове, норовила выскользнуть из-под него. Салфетки из кафе, которые ему подкинули уехавшие раньше ребята из военной полиции и Пантелей, мотались по всему кузову. Рюхин попытался их собрать, но, процедив злобно: «Да пошло оно всё! Что я, как дурак, тут ползаю?..» – отпихнул их ногой и отвернулся.

Настроение у него было отвратительное. Поездка в эту психиатрическую больницу оставила в нём тяжёлый след. Рюхин пытался понять, что его гложет. Коридор с этими жуткими лампами, въевшийся в память? Мысль о том, что нет ничего страшнее, чем потерять рассудок? Да, конечно, и это тоже. Но это всё общие слова. А есть что-то ещё. Что же? Обида, вот что. Да, обидные слова, брошенные этим Бездомным прямо в лицо. И дело не в том, что они обидные, а в том, что в них есть правда.

Поэт уже не смотрел по сторонам, а, уставившись в грязный трясущийся пол кузова, стал что-то бормотать, нить, терзая себя изнутри.

Да, стихи... Ему тридцать два года! И что дальше? – И дальше он будет писать по паре стихотворений в год. – До пенсии? – Да, до пенсии. – И что ему дадут эти стихи? Славу? «Бред какой! Не ври хотя бы себе. Никогда слава не придёт к тому, кто пишет плохие стихи. Почему они плохие? Правду, правду он сказал! – безжалостно обращался к себе Рюхин, – не верю я ни во что из того, что пишу!..»

Отравленный приступом неврастения, поэт покачнулся, пол под ним перестал трястись. Рюхин поднял голову и увидел, что они уже в Москве, и более того, что над Москвой занимается рассвет, что облака подсвечены золотом, что его грузовик стоит в колонне других машин у поворота на Садовое кольцо, и что совсем рядом с ним стоит на постаменте металлический человек, чуть наклонив голову, и равнодушно смотрит на улицу.

Какие-то странные мысли полезли в голову больному поэту. «Вот пример настоящей удачи... – тут Рюхин встал во весь рост в кузове и поднял руку, нападая зачем-то на никого не трогающего чугунного человека, – что бы он ни сделал в жизни, что бы с ним ни случилось, всё шло ему на пользу, всё обращалось в его славу! Но что он сделал? Я не понимаю... Что особенного в этих словах: "Зимний вечер. Вьюга..."? Не понимаю!.. Повезло, повезло! – вдруг ядовито заключил Рюхин и почувствовал, что грузовик под ним тронулся, – ранили его на дуэли, и это обеспечило бессмертие...»

Колонна поехала. Совершенно больной и даже постаревший поэт через пару минут уже входил на веранду ресторана. Там уже почти никого не было. В углу допивала какая-то компания, и в центре её суетился знакомый ведущий в кепке и с бокалом игристого в руке.

Колонна машин тронулась. Совершенно разбитый и осунувшийся поэт уже через пару минут заходил на летнюю площадку "Грибоедова". Там почти никого не осталось. В углу допивала какая-то компания, и в центре вертелся знакомый ведущий в кепке и с бокалом игристого в руке.

Рюхина, обремененного казенными полотенцами, Арчибальд Арчибальдович встретил очень радушно и тут же избавил от этих проклятых тряпок. Если бы Рюхин не был так измучен в больнице и в кузове, он, наверное, с удовольствием рассказал бы, как все было, приукрасив историю выдуманными деталями. Но сейчас ему было не до того. И потом, как ни мало был наблюдателем Рюхин, теперь, после поездки в грузовике, он впервые внимательно всмотрелся в лицо этого пирата и понял, что тот хоть и задает вопросы о Бездомном и даже восклицает "Ай-яй-яй!", но, по сути, совершенно равнодушен к его судьбе и ничуть его не жалеет. "И молодец! И правильно!" – с циничной злобой подумал Рюхин и, оборвав рассказ о шизофрении, попросил:

– Арчибальд Арчибальдович, водочки бы мне...

Пират сделал сочувствующее лицо, прошептал:

– Понимаю... сию минуту... – и махнул официанту.

Через четверть часа Рюхин, в полном одиночестве, сидел, сторбившись над тарелкой с нарезкой, пил рюмку за рюмкой, понимая и признавая, что исправить в его жизни уже ничего нельзя, а можно только забыть.

Поэт истратил свою ночь, пока другие гуляли, и теперь понимал, что ее не вернуть. Стоило только поднять голову от лампы вверх к небу, чтобы понять, что ночь пропала безвозвратно. Официанты торопливо убирали столы. У котлов, шнырявших возле площадки, был утренний вид. На поэта неудержимо наваливался день.

Глава 7

Нехорошая квартира

Если бы следующим утром Степе Лиходееву сказали: "Степа! Тебя отправят на передок, если ты сейчас же не встанешь!" – Степа ответил бы томным, чуть слышным голосом: "Отправляйте, делайте со мной что хотите, но я не встану".

Не то что встать – ему казалось, что он не может открыть глаз, потому что, если он только это сделает, сверкнет молния и голову его тут же разорвет на куски. В голове гудел тяжелый колокол, между глазами яблоками и закрытыми веками проплывали коричневые пятна с огненно-зеленым ободком, и в довершение всего тошнило, причем казалось, что тошнота эта связана со звуками какого-то назойливого рингтона.

Степа пытался что-то вспомнить, но вспоминалось только одно – что, кажется, вчера и неизвестно где он стоял с салфеткой в руке и пытался поцеловать какую-то даму, причем обещал ей, что на следующий день, ровно в полдень, придет к ней в гости. Дама от этого отказывалась, говоря: "Нет, нет, меня не будет дома!", а Степа упорно настаивал на своем: "А я вот возьму да и приду!"

Ни кто это была за дама, ни который сейчас час, ни какое число, ни какого месяца – Степа решительно не знал и, что хуже всего, не мог понять, где он находится. Он постарался выяснить хотя бы последнее и для этого разлепил слипшиеся веки левого глаза. В полумраке что-то тускло отсвечивало. Степа наконец узнал трельяж и понял, что он лежит навзничь у себя на кровати, то есть на бывшей хозяйской кровати, в спальне. Тут ему так ударило в голову, что он закрыл глаз и застонал.

Поясним: Стёпа Лиходеев, директор театра «Эстрада», очнулся утром в своей квартире, той самой, что делил с покойным Берлиозом, в большом шестиэтажном доме, спокойно расположившемся на Садовом кольце.

Надо сказать, что квартира эта – номер пятьдесят – давно уже пользовалась, если не дурной, то, во всяком случае, странной репутацией. Ещё пару лет назад владелицей её была вдова ювелира, мадам Де Фюжер. Анна Францевна Де Фюжер, пятидесятилетняя почтенная и очень деловая дама, две комнаты из четырёх сдавала жильцам: одному, фамилия которого была, кажется, Беломут, и другому – чью фамилию уже никто не помнил.

И вот два года назад в квартире начались необъяснимые происшествия: из этой квартиры люди начали бесследно исчезать.

Однажды в выходной день в квартиру явился сотрудник полиции, вызвал в прихожую второго жильца (фамилию которого забыли) и сказал, что его просят на минутку зайти в участок, кое-где расписаться. Жилец велел Анфисе, преданной и давней помощнице Анны Францевны, сказать, если будут звонить, что он вернётся через десять минут, и ушёл вместе с вежливым полицейским. Но не вернулся он не только через десять минут, а вообще никогда. Удивительнее всего то, что, очевидно, вместе с ним исчез и полицейский.

Набожная, а откровенно говоря – суеверная, Анфиса прямо и заявила очень расстроенной Анне Францевне, что это колдовство и что она прекрасно знает, кто утащил и жильца, и полицейского, только к ночи не хочет говорить. Ну, а колдовству, как известно, стоит только начаться, а там уж его ничем не остановишь. Второй жилец исчез, помнится, в понедельник, а в среду как сквозь землю провалился Беломут, но, правда, при других обстоятельствах. Утром за ним заехала, как обычно, машина, чтобы отвезти его на работу, и отвезла, но назад никого не привезла и сама больше не вернулась.

Горе и ужас мадам Беломут не поддаются описанию. Но, увы, и то и другое было непродолжительно. В ту же ночь, вернувшись с Анфисой с дачи, на которую Анна Францевна почему-то спешно уехала, она не застала уже гражданки Беломут в квартире. Но этого мало: двери обеих комнат, которые занимали супруги Беломут, оказались опечатанными.

Два дня прошли кое-как. На третий же день страдавшая всё это время бессонницей Анна Францевна опять-таки спешно уехала на дачу... Нужно ли говорить, что она не вернулась!

Оставшаяся одна Анфиса, наплакавшись вволю, легла спать во втором часу ночи. Что с ней было дальше, неизвестно, но рассказывали жильцы других квартир, что будто бы в пятидесятой всю ночь слышались какие-то стуки и будто бы до утра в окнах горел свет. Утром выяснилось, что и Анфисы нет!

Об исчезнувших и о проклятой квартире долго в доме рассказывали всякие легенды, вроде того, например, что эта сухая и набожная Анфиса будто бы носила на своей иссохшей груди в матерчатом мешочке крупную сумму денег, принадлежащих Анне Францевне. Что будто бы в сарае на той самой даче, куда спешно ездила Анна Францевна, обнаружили сами собой какие-то несметные сокровища в виде тех же денег, а также золотых украшений... И прочее в этом же роде. Ну, чего не знаем, за то не ругаемся.

В доме долго ходили слухи об исчезновениях и проклятой квартире. Говорили, будто старая волонтерка Анфиса, что помогала беженцам, прятала в потайном кармане бронежилета двадцать пять крупных бриллиантов, принадлежавших когда-то богатой даме. Или что в

зброшенном ангаре, куда спешно ездилa эта дама, нашли клад – те же бриллианты и золотые монеты еще царской чеканки... Ну, кто знает, что там было на самом деле.

Как бы то ни было, квартира простояла пустой всего неделю, а потом туда заселились – покойный Иванов с женой и этот самый Степа тоже с женой. И, конечно, как только они переехали в эту несчастливую квартиру, у них начался полный бардак. В течение месяца обе жены пропали. Но не совсем бесследно. Про жену Иванова говорили, что ее видели в Харькове с каким-то инструктором по тактической медицине, а жена Степы якобы нашлась на окраине, где, как шептались, директор его фирмы, используя свои связи, выбил ей комнату, но с условием, чтобы она больше не появлялась в центре...

Итак, Степа застонал. Он хотел позвать домработницу Груню и попросить у нее обезболивающее, но сообразил, что это глупо... Что у Груни никакого обезболивающего, конечно, нет. Пытался позвать на помощь Иванова, дважды прохрипел: «Миша... Миша...», но, как понимаете, ответа не получил. В квартире стояла тишина.

Пошевелив пальцами ног, Степа понял, что лежит в носках. Дрожащей рукой провел по бедру, чтобы понять, в штанах он или нет, и не понял.

Наконец, осознав, что он брошен и одинок, что никто ему не поможет, решил подняться, чего бы это ни стоило.

Степа разлепил слипшиеся веки и увидел свое отражение в зеркале – человека с торчащими во все стороны волосами, с опухшим, заросшим черной щетиной лицом, с заплывшими глазами, в грязной футболке с растянутым воротом и в носках.

Таким он увидел себя в зеркале, а рядом с ним – незнакомого человека, одетого во все черное и в черной кепке.

Степа сел на кровать и уставился на незнакомца налитыми кровью глазами.

Молчание нарушил незнакомец, произнеся низким, хриплым голосом и с легким акцентом:

– Добрый день, уважаемый Степан Богданович!

После паузы Степа, собравшись с силами, выдавил из себя:

– Что вам нужно? – и сам удивился, не узнав своего голоса. Слово «что» прозвучало пискляво, «вам» – басом, а «нужно» у него совсем не получилось.

Незнакомец дружелюбно усмехнулся, достал большие золотые часы с гравировкой в виде трезубца на крышке, они пробили одиннадцать раз, и он сказал:

– Одиннадцать! И ровно час, как я жду вашего пробуждения, ибо вы назначили мне встречу в десять. Вот и я!

Степа нащупал на стуле рядом с кроватью штаны, прошептал:

– Извините... – надел их и хрипло спросил: – Скажите, пожалуйста, вашу фамилию?

Говорить ему было трудно. При каждом слове словно кто-то втыкал иголку в мозг, причиняя адскую боль.

– Как? Вы и фамилию мою забыли? – тут незнакомец улыбнулся.

– Простите... – прохрипел Степа, чувствуя, как похмелье бьет новой волной: ему показалось, что пол уплывает из-под кровати, и он сейчас кубарем полетит вниз.

– Дорогой Степан Богданович, – заговорил посетитель с проницательной улыбкой, – никакие таблетки тут не помогут. Следуйте старому доброму правилу: подобное лечится подобным. Единственное, что вернет вас к жизни, это две рюмки водки с острой и горячей закуской.

Степа был мужик не промах и, как ни было ему плохо, сообразил, что раз уж его застали в таком виде, надо признаваться во всем.

– Откровенно говоря... – начал он, еле ворочая языком, – вчера я немного...

– Ни слова больше! – ответил визитер и отодвинулся на кресле в сторону.

Стёпа, тараща глаза, увидел, что на маленьком столике сервирован поднос, на котором нарезан свежий хлеб, красная икра в вазочке, маринованные опята на тарелочке, что-то в кастрюльке и, наконец, водка в пузатом графине. Особенно поразило Стёпу то, что графин запотел от холода. Впрочем, это было понятно – он стоял в ведёрке, наполненном льдом. Накрыто, словом, было чисто, умело.

Незнакомец не дал Стёпиному изумлению перерасти в тошноту и ловко налил ему полрюмки водки.

– А вы? – пискнул Стёпа.

– С удовольствием!

Дрожащей рукой Стёпа поднёс рюмку ко рту, а незнакомец одним духом проглотил содержимое своей рюмки. Прожёвывая икринку, Стёпа выдавил из себя:

– А вы что же... закусить?

– Благодарю, я никогда не закусываю, – ответил незнакомец и налил по второй. Открыли кастрюлю – в ней оказались сосиски в томатном соусе.

И вот проклятая муть перед глазами рассеялась, стали выговариваться слова, и, главное, Стёпа кое-что припомнил. А именно, что вчера дело было в коттеджном посёлке, на даче у автора стендапа Хустова, куда этот Хустов и возил Стёпу на такси. Вспомнилось даже, как ловили это такси у "Метрополя", был ещё при этом какой-то блогер... с колонкой в рюкзаке. Да, да, да, это было на даче! Ещё, помнится, выли собаки от этой колонки. Вот только девушка, которую Стёпа хотел поцеловать, осталась невыясненной... чёрт её знает, кто она... кажется, работает в пресс-службе, а может быть, и нет.

Вчерашний день, таким образом, понемногу прояснялся, но Стёпу сейчас гораздо больше интересовал день сегодняшней и, в частности, появление в спальне незнакомца, да ещё с закуской и водкой. Вот что недурно было бы прояснить!

– Ну что же, теперь, я надеюсь, вы вспомнили мою фамилию?

Но Стёпа только стыдливо улыбнулся и развёл руками.

– Однако! Я чувствую, что после водки вы пили крафтовое пиво! Помилуйте, да разве это можно делать!

– Я хочу вас попросить, чтобы это осталось между нами, – заискивающе сказал Стёпа.

– О, конечно, конечно! Но за Хустова я, само собой разумеется, не ручаюсь.

– А вы разве знаете Хустова?

– Вчера в кабинете у вас видел этого индивидуума мельком, но достаточно одного беглого взгляда на его лицо, чтобы понять, что он – сволочь, склочник, приспособленец и подхалим.

"Совершенно верно!" – подумал Стёпа, поражённый таким верным, точным и кратким определением Хустова.

Да, вчерашний день складывался из кусочков, но всё-таки тревога не покидала директора. Дело в том, что в этом вчерашнем дне зияла огромная чёрная дыра. Вот этого самого незнакомца в кепке, хоть убей, Стёпа в своём кабинете вчера никак не видел.

– Профессор чёрной магии Воланд, – веско произнёс визитёр, заметив растерянность Стёпы, и изложил всё по порядку.

Вчера днём он прибыл из-за границы в Москву, сразу же направился к Стёпе и предложил свои выступления в варьете. Стёпа позвонил в областной департамент культуры и этот вопрос согласовал (Стёпа побледнел и заморгал), подписал с профессором Воландом контракт на семь представлений (Стёпа открыл рот), договорился, что Воланд зайдёт к нему для уточнения деталей в десять утра сегодня... Вот Воланд и пришёл!

Придя, его встретила домработница Груня, которая объяснила, что сама она только что пришла, что она приходящая, что Берлиоза нет дома, а если визитёр желает видеть Степана Богдановича, то пусть идёт к нему в спальню сам. Степан Богданович спит так крепко, что

будить его она не решается. Увидев, в каком состоянии Степан Богданович, артист отправил Груню в ближайший магазин за водкой и закуской, в аптеку за льдом и...

– Позвольте с вами рассчитаться, – проскулил убитый Стёпа и начал шарить в поисках кошелька.

– О, какая ерунда! – воскликнул гастролёр и слушать ничего не захотел.

Итак, водка и закуска стали понятны, но на Стёпу было жалко смотреть: он совершенно не помнил ничего о контракте и, хоть убейте, не видел вчера этого Воланда. Да, Хустов был, а Воланда не было.

– Разрешите взглянуть на контракт, – тихо попросил Стёпа.

– Пожалуйста, пожалуйста...

Стёпа взглянул на бумагу и оцепенел. Всё было на месте. Во-первых, собственноручная Стёпина размашистая подпись! Косая надпись сбоку рукой финдиректора Римского с разрешением выдать артисту Воланду в счёт полагающихся ему за семь выступлений трёхсот пятидесяти тысяч рублей сто тысяч рублей. Более того: тут же расписка Воланда в том, что он эти сто тысяч уже получил!

«Что же это такое?!» – подумал несчастный Стёпа, и голова у него закружилась. Начинаясь зловещие провалы в памяти?! Но, разумеется, после того, как контракт был предъявлен, дальнейшие выражения удивления были бы просто неприличны. Стёпа попросил у гостя разрешения отлучиться на минуту и, как был в носках, побежал в прихожую к телефону. По дороге он крикнул в сторону кухни:

– Груня!

Но никто не отозвался. Тут он взглянул на дверь в кабинет Берлиоза, находившуюся рядом с прихожей, и тут, как говорится, замер. На ручке двери он увидел огромную сургучную печать на верёвке. «Здравствуйте! – заорал кто-то в голове у Стёпы. – Этого ещё не хватало!» И тут Стёпины мысли побежали уже по двойному рельсовому пути, но, как всегда бывает во время катастрофы, в одну сторону и вообще чёрт знает куда. Головную Стёпину кашу трудно даже описать. Тут и чертовщина с чёрным беретом, холодной водкой и невероятным контрактом, – а тут ещё ко всему этому, будьте любезны, и печать на двери! То есть кому хочешь скажи, что Берлиоз что-то натворил, – не поверят, ей-богу, не поверят! Однако печать, вот она! Да-с...

И тут зашевелились в мозгу у Стёпы какие-то неприятнейшие мыслишки о статье, которую, как назло, недавно он всучил Михаилу Александровичу для публикации в журнале. И статья, между нами говоря, дурацкая! И никчёмная, и деньги-то небольшие...

И тут в голове у Стёпы заворочались неприятные мысли о статье, которую он, как назло, недавно подсунил Михаилу Александровичу для публикации в журнале. Статья, прямо скажем, дурацкая! Бесплезная, да и гонорар смешной...

Сразу же после воспоминания о статье всплыл в памяти какой-то мутный разговор, который состоялся, кажется, двадцать четвёртого апреля вечером здесь же, в столовой, когда Стёпа ужинал с Михаилом Александровичем. То есть, конечно, в полном смысле слова мутным этот разговор назвать нельзя (Стёпа бы на такое не пошёл), но тема была какая-то ненужная. Совершенно спокойно можно было, граждане, и не начинать её. До публикации, конечно, разговор этот казался пустяком, но вот после...

«Ах, Берлиоз, Берлиоз! – вскипело в голове у Стёпы. – Ну, как так можно было?!»

Но долго горевать не пришлось, и Стёпа набрал номер финдиректора Варьете, Римского. Положение у Стёпы было деликатное: во-первых, иностранец мог обидеться на то, что Стёпа его проверяет после показанного контракта, да и с финдиректором говорить было непросто. Ведь не спросишь же его прямо: «Скажите, заключал ли я вчера с профессором чёрной магии контракт на тридцать пять тысяч рублей?» Так спрашивать нельзя!

– Да! – послышался в трубке резкий, неприятный голос Римского.

– Здравствуйте, Григорий Данилович, – тихо заговорил Стёпа, – это Лиходеев. Вот какое дело... э-э... у меня тут этот... э... артист Воланд... Так вот... я хотел спросить, как насчёт сегодняшнего вечера?..

– Ах, чёрный маг? – отозвался Римский. – Афиши сейчас будут.

– Ага, – слабым голосом сказал Стёпа, – ну, пока...

– А вы скоро придёте? – спросил Римский.

– Через полчаса, – ответил Стёпа и, повесив трубку, сжал горящую голову руками. Ах, какая выходит скверная история! Что же это с памятью, граждане? А?

Однако задерживаться в прихожей было неудобно, и Стёпа тут же составил план: всеми силами скрыть свою невероятную забывчивость, а сейчас первым делом хитро выспросить у иностранца, что он, собственно, намерен сегодня показывать во вверенном Стёпе Варьете?

Тут Стёпа повернулся от аппарата и в зеркале, давно не вытираемом ленивой Груней, отчётливо увидел какого-то странного субъекта – длинного, как жердь, и в очках (ах, если бы здесь был Иван Николаевич! Он бы узнал этого субъекта сразу!). А тот отразился и тут же исчез. Стёпа в тревоге заглянул в прихожую, и его снова качнуло, ибо в зеркале проществовал здоровенный чёрный кот и тоже исчез.

У Стёпы оборвалось сердце, он пошатнулся.

«Что же это такое? – подумал он. – Уж не схожу ли я с ума? Откуда эти отражения?!» Он заглянул в прихожую и испуганно закричал:

– Груня! Какой тут кот у нас шастает? Откуда он? И кто-то ещё с ним??

– Не беспокойтесь, Степан Богданович, – отозвался голос, но не Грунин, а гостя из спальни, – кот этот мой. Не нервничайте. А Груни нет, я отправил её в Воронеж, к родным, так как она жаловалась, что вы давно не даёте ей отпуск.

Слова эти были настолько неожиданными и нелепыми, что Стёпа решил, что ослышался. В полном смятении он рысцой побежал в спальню и застыл на пороге. Волосы его зашевелились, и на лбу выступила испарина.

Слова эти прозвучали настолько неожиданно и нелепо, что Стёпа решил, что ему послышалось. В полном замешательстве он почти бегом направился в спальню и замер на пороге. Волосы на голове зашевелились, и на лбу выступила испарина.

Гость был в спальне не один, а в компании. Во втором кресле сидел тот самый тип, что померещился в прихожей. Теперь его было видно отчетливо: зализанные усики, одно стеклышко пенсне поблескивает, а другого нет. Но в спальне обнаружили вещи и похуже: на банкетке развалился некто третий, а именно – огромный черный котяра со стопкой водки в одной лапе и вилкой, на которую он успел насадить маринованный гриб, в другой.

Свет, и без того тусклый в спальне, совсем померк в глазах Стёпы. «Вот как, оказывается, сходят с ума!» – подумал он и схватился за дверной косяк.

– Я вижу, вы несколько удивлены, дорогой Степан Богданович? – осведомился Воланд у Стёпы, который стучал зубами. – Но удивляться нечему. Это моя команда.

Тут кот опрокинул стопку водки, и рука Стёпы поползла вниз по косяку.

– И этой команде нужно место, – продолжал Воланд, – так что кто-то из нас здесь лишний. И мне кажется, что этот лишний – именно вы!

– Они, они! – запел козлиным голосом длинный клетчатый, говоря о Стёпе во множественном числе. – Вообще, они в последнее время жутко обнаглели. Пьянствуют, пользуются служебным положением, чтобы клеить девчонок, ни черта не делают, да и делать ничего не могут, потому что ничего не понимают в том, что им поручено. Начальству заливают!

– Машину казённую зря гоняет! – наябедничал и кот, жуя гриб.

И тут случилось четвертое, и последнее, явление в квартире, когда Стёпа, совсем сползший на пол, слабеющей рукой царапал косяк.

Прямо из зеркала трюмо вышел маленький, но необыкновенно широкоплечий тип в котелке на голове и с торчащим изо рта клыком, уродующим и без того отвратительную физиономию. И при этом еще огненно-рыжий.

– Я, – вступил в разговор этот новый персонаж, – вообще не понимаю, как он попал в директора, – рыжий гнусавил все больше и больше, – он такой же директор, как я – Папа Римский!

– Ты не похож на Папу Римского, Азazelло, – заметил кот, накладывая себе сосиски на тарелку.

– Я это и говорю, – прогнусил рыжий и, повернувшись к Воланду, добавил почтительно: – Разрешите, мессир, его выкинуть ко всем чертям из Москвы?

– Брысь!! – вдруг рявкнул кот, вздыбив шерсть.

И тогда спальня завертелась вокруг Стёпы, и он ударился головой о косяк и, теряя сознание, подумал: «Всё, отъезжаю...»

Но он не отъехал. Слегка приоткрыв глаза, он увидел себя сидящим на чем-то каменном. Вокруг него что-то шумело. Когда он открыл глаза как следует, он увидел, что шумит море, и что даже больше того – волна плещется у самых его ног, и что, короче говоря, он сидит на самом краю пирса, и что под ним голубое сверкающее море, а сзади – красивый город на холмах.

Не зная, как поступают в таких случаях, Стёпа поднялся на трясущиеся ноги и пошел по пирсу к берегу.

На пирсе стоял какой-то человек, курил и сплёвывал в море. На Стёпу он посмотрел дикими глазами и перестал плевать. Тогда Стёпа выдал такое: встал на колени перед незнакомым курильщиком и произнес:

– Умоляю, скажите, какой это город?

– Однако! – сказал равнодушный курильщик.

– Я не пьян, – хрипло ответил Стёпа, – я болен, со мной что-то случилось, я болен... Где я? Какой это город?..

– Ну, Ялта...

Стёпа тихо вздохнул, повалился на бок и ударился головой о нагретый камень пирса.

Глава 8

Поединок между профессором и поэтом

Степáн очнулся в Ялте, а Иван Николаевич Бездомный, после долгого сна, пришёл в себя где-то под Москвой, около полудня. Не сразу понял, где он. Белые стены незнакомой комнаты, прикроватная тумбочка из светлого металла, белая занавеска, за которой чувствовалось солнце.

Иван тряхнул головой – не болит. Вспомнил, что в больнице. Всплыло в памяти и гибель Берлиоза, но сегодня это не вызвало сильного потрясения. Выспался, успокоился, стал яснее соображать. Полежал в чистой, мягкой кровати, увидел кнопку вызова. Нажал. Звонка не последовало. Зато у кровати загорелся матовый цилиндр с надписью: "Пить". Постояв, цилиндр начал вращаться, пока не появилась надпись: "Медсестра". Хитроумное устройство поразило Ивана. "Медсестра" сменилась надписью "Вызвать врача".

– Гм... – сказал Иван, не зная, что делать. Нажал кнопку ещё раз, на слове "Медсестра". Цилиндр тихо звякнул, потух, и в комнату вошла полная, симпатичная женщина в белом халате.

– Доброе утро!

Иван промолчал. Приветствие казалось неуместным. Засадили здорового человека в больницу, и делают вид, что так и надо!

Женщина, не теряя благодушного выражения, нажала кнопку, и штора поползла вверх. В комнату хлынуло солнце через широкую решётку балкона. За балконом – берег реки, а на другом берегу – сосновый бор.

– Ванна готова, – пригласила женщина, и стена раздвинулась, открывая ванную комнату. Иван, решивший не разговаривать, не удержался. Увидев, как вода льётся в ванну из сияющего крана, иронично сказал:

– Прямо как в "Метрополе"!

– О нет, – гордо ответила женщина, – гораздо лучше. Такого оборудования нигде нет, даже за границей. Учёные и врачи приезжают смотреть нашу клинику. Каждый день иностранные делегации.

Слово "иностранные делегации" напомнило Ивану вчерашнего консультанта. Иван помрачнел, посмотрел исподлобья и сказал:

– Иностранные делегации... До чего же вы их любите! А среди них всякие попадаются. Я, например, вчера с одним познакомился...

Чуть не начал рассказывать про Понтия Пилата, но сдержался. Женщине это ни к чему, помочь она не сможет.

После ванны Ивану выдали всё необходимое: выглаженную рубашку, кальсоны, носки. Женщина открыла шкаф и спросила:

– Что желаете надеть – халат или пижаму?

Прикреплённый к этому месту насильно, Иван чуть руками не всплеснул от развязности женщины и молча ткнул пальцем в пунцовую байковую пижаму.

Привыкая к новому, пусть и не совсем добровольному, месту жительства, Иван едва сдержался, чтобы не возмутиться фамильярностью медсестры, и молча ткнул пальцем в выданную пижаму из красной фланели.

Затем Ивана Николаевича провели по гулкому коридору и привели в огромный кабинет. Иван, решив ко всему в этом странном месте относиться с иронией, тут же окрестил его "операционной".

И было почему. Шкафы и витрины сверкали никелированными инструментами. Кресла сложной конструкции, какие-то пузатые лампы с яркими колпаками, множество склянок, газовые горелки, провода и совершенно непонятные приборы.

В кабинете за Ивана взялись трое – две женщины и мужчина, все в белых халатах. Сначала Ивана усадили за столик, явно намереваясь кое-что выпросить. Иван стал обдумывать ситуацию. Перед ним было три пути. Первый, самый соблазнительный: наброситься на эти лампы и приборы, разбить все к чертям и так выразить протест против незаконного задержания. Но сегодняшний Иван был уже не вчерашний, и этот путь показался сомнительным: решат еще, что он буйный псих. Поэтому первый путь Иван отбросил. Был второй: немедленно начать рассказ о консультанте и Понтии Пилате. Однако вчерашний опыт показал, что этому рассказу не верят или понимают его как-то превратно. Поэтому Иван отказался и от этого пути, решив избрать третий: замкнуться в гордом молчании.

Полностью осуществить это не удалось, и волей-неволей пришлось отвечать, хоть и скупо и хмуро, на множество вопросов.

У Ивана выпросили решительно все о его прошлой жизни, вплоть до того, когда и как он болел ветрянкой в детстве. Исписав целую страницу, женщина в белом перевернула ее и перешла к расспросам о родственниках Ивана. Началась какая-то тягомотина: кто умер, когда и от чего, не пил ли, не болел ли чем-нибудь, и все в таком же духе. В заключение попросили рассказать о вчерашнем происшествии на Патриарших, но особо не настаивали, сообщению о Понтии Пилате не удивились.

Тут женщина уступила Ивана мужчине, и тот взялся за него по-другому и ни о чем уже не расспрашивал. Он измерил температуру Иванова тела, посчитал пульс, посмотрел Ивану в глаза, светя в них каким-то фонариком. Затем на помощь мужчине пришла другая женщина, и Ивана кололи, но не больно, чем-то в спину, рисовали у него ручкой молоточка какие-то знаки на коже груди, стучали молоточком по коленям, отчего ноги Ивана подпрыгивали, кололи

палец и брали из него кровь, кололи в локтевом сгибе, надевали на руки какие-то резиновые манжеты...

Иван только горько усмехался про себя и размышлял о том, как все это глупо и странно получилось. Подумать только! Хотел предупредить всех об опасности, грозящей от неизвестного консультанта, собирался его изловить, а добился только того, что попал в какой-то таинственный кабинет, чтобы рассказывать всякую чушь про дядю Федора, который пил в Вологде. Невыносимо глупо!

Наконец Ивана отпустили. Его проводили обратно в его комнату, где он получил чашку кофе, два яйца всмятку и белый хлеб с маслом.

Съев и выпив все предложенное, Иван решил дождаться кого-то главного в этом учреждении и уж у этого главного добиться и внимания к себе, и справедливости.

Иван доел свой паек и допил чай, решив, что будет ждать здесь кого-то из начальства. Только с главным он сможет добиться справедливости и внимания к своей ситуации.

И ждать пришлось недолго. Вскоре после завтрака дверь в его палату неожиданно распахнулась, и внутрь вошла целая делегация людей в белых халатах. Впереди шел мужчина лет сорока пяти, тщательно выбритый, с приятным лицом, но очень пронзительными глазами и подчеркнута вежливыми манерами. Вся свита оказывала ему знаки внимания и уважения, так что его появление получилось почти торжественным. "Как будто комбриг приехал", – подумал Иван.

Да, это был явно кто-то важный. Он присел на табурет, а остальные остались стоять.

– Доктор Кравченко, – представился мужчина, дружелюбно глядя на Ивана.

– Вот, Александр Петрович, – тихо сказал кто-то с аккуратной бородкой, протягивая главному исписанный листок с данными Ивана.

"Целое досье собрали!" – подумал Иван. Кравченко пробежал глазами листок, пробормотал: "Угу, угу..." и обменялся с окружающими несколькими фразами на непонятном языке.

"И тут свой жаргон, как у военных..." – подумал Иван. Вдруг одно слово заставило его вздрогнуть. Это было слово "психоз" – увы, уже вчера услышанное от следователя, а сегодня повторенное здесь доктором Кравченко.

"И ведь знал!" – тревожно подумал Иван.

Главный, казалось, взял за правило соглашаться со всем и радоваться всему, что бы ему ни говорили, выражая это словами "Отлично, отлично...".

– Отлично! – сказал Кравченко, возвращая кому-то листок, и обратился к Ивану: – Вы – писатель?

– Писатель, – мрачно ответил Иван, впервые почувствовав какое-то необъяснимое отвращение к своим текстам. Вспомнившиеся ему тут же собственные рассказы показались какими-то фальшивыми и неприятными.

Сморщившись, он, в свою очередь, спросил у Кравченко:

– Вы – профессор?

Кравченко предупредительно-вежливо наклонил голову.

– И вы здесь главный? – продолжал Иван.

Кравченко снова поклонился.

– Мне с вами нужно поговорить, – многозначительно сказал Иван Николаевич.

– Я для этого и пришел, – отозвался Кравченко.

– Дело вот в чем, – начал Иван, чувствуя, что настал его час, – меня тут за психа держат, никто не хочет меня слушать!..

– О нет, мы слушаем вас очень внимательно, – серьезно и успокаивающе сказал Кравченко, – и за психа вас держать ни в коем случае не будем.

– Так слушайте же: вчера вечером я в центре города встретил одного типа, непонятно кто, который заранее знал о взрыве в многоэтажке и лично видел... ну, одного очень известного исторического персонажа.

Свита безмолвно и не шевелясь слушала писателя.

– Исторического? Это который жил очень давно? – прищурившись на Ивана, спросил Кравченко.

– Тот самый.

– Ага, – сказал Кравченко, – а этот взрыв был вчера?

– Вот именно, вчера, причем этот самый загадочный тип...

– Знакомый исторического персонажа? – спросил Кравченко, очевидно, отличавшийся большой понятливостью.

– Именно он, – подтвердил Иван, изучая Кравченко, – так вот он сказал заранее, что будет прилет по трансформаторной будке... А прилетело как раз туда! Как вам это понравится? – многозначительно осведомился Иван, надеясь произвести эффект своими словами.

Но эффекта не последовало, и Кравченко очень просто задал следующий вопрос:

– А кто вообще сообщил о прилете?

Этот вопрос немного расстроил Ивана, лицо его передернуло.

Этот вопрос, казалось, немного задел Ивана. Он нахмурился.

– Да какая разница, кто эта Аннушка, – нервно выпалил он. – Чёрт её знает, кто она вообще такая. Какая-то дура с Садовой, и всё. Главное, что он заранее, понимаете, заранее знал про подсолнечное масло! Вы понимаете, о чём я?

– Прекрасно понимаю, – серьёзно ответил Стравинский и, коснувшись колена Ивана, добавил: – Не волнуйтесь так. Продолжайте.

– Продолжаю, – сказал Иван, стараясь говорить в том же спокойном тоне, что и Стравинский. Он уже понял, что только спокойствие поможет ему. – Так вот, этот тип... Он врёт, что он консультант. У него какая-то невероятная сила... Например, пытаешься его догнать, а он как сквозь землю проваливается. И с ним ещё парочка, тоже хороши: какой-то длинный, весь в татуировках, и огромный котяра, который сам по себе в маршрутке ездит. И ещё, – Иван говорил всё более горячо и убедительно, – он лично был на балконе у Понтия Пилата. Это же что такое? А? Его надо немедленно арестовать, иначе он такого наворотит...

– То есть вы хотите, чтобы его арестовали? Я правильно вас понял? – спросил Стравинский.

"Он умён, – подумал Иван. – Надо признать, среди этих интеллигентов тоже попадаются на редкость сообразительные. Этого не отнять!" И ответил:

– Совершенно верно! А как же иначе? Вы сами подумайте! А меня тут насильно держат, лампой в глаза светят, в ванной купают, про дядю Федю что-то спрашивают... А его уже давно нет в живых! Я требую, чтобы меня немедленно выпустили!

– Ну что же, прекрасно, прекрасно! – отозвался Стравинский. – Вот и всё выяснилось. Действительно, какой смысл держать в больнице здорового человека? Хорошо. Я вас немедленно выпишу, если вы мне скажете, что вы нормальный. Не докажете, а просто скажете. Итак, вы нормальный?

Наступила тишина. Полная женщина, которая утром ухаживала за Иваном, благоговейно смотрела на профессора. Иван ещё раз подумал: "Действительно умный".

Предложение профессора ему понравилось, но, прежде чем ответить, он долго и напряжённо думал, морща лоб. Наконец, он твёрдо сказал:

– Я нормальный.

– Ну вот и отлично! – облегчённо воскликнул Стравинский. – А раз так, давайте рассуждать логически. Возьмём ваш вчерашний день. – Он повернулся, и ему тут же подали историю болезни Ивана. – В поисках этого неизвестного, который представился вам как знакомый Пон-

тия Пилата, вы вчера совершили следующие действия, – Стравинский стал загибать длинные пальцы, поглядывая то в историю болезни, то на Ивана. – Нацепили на себя иконку. Было?

– Было, – хмуро согласился Иван.

– Перелезли через забор, разбили лицо? Так? Явились в ресторан в одних трусах и с зажжённой свечой, и там кого-то избили. Вас привезли сюда связанным. Здесь вы звонили в полицию и требовали прислать пулемёты. Потом пытались выпрыгнуть из окна. Так? Спрашивается: возможно ли, действуя таким образом, кого-нибудь поймать или арестовать? И если вы нормальный человек, то вы сами ответите: ни в коем случае. Вы хотите уйти отсюда? Пожалуйста. Но позвольте спросить, куда вы направитесь?

– Конечно, в полицию, – ответил Иван уже не так уверенно, немного теряясь под взглядом профессора.

– Прямо отсюда?

– Угу.

– А домой не заедете? – быстро спросил Стравинский.

– Да некогда мне сейчас по домам разъезжать! Пока я по квартирам буду кататься, он улизнёт!

– Да некогда мне по квартирам мотаться! Пока я по этим адресам буду ездить, он смоется!

– Так. А что вы в первую очередь в полицию заявите?

– Про этого... про генерала, который в штабе, – ответил Иван Николаевич, и глаза его заволокло какой-то мутной тревогой.

– Ну, вот и отлично! – воскликнул Стравинский, сдаваясь, и, повернувшись к тому, что с бородкой, приказал: – Фёдор Васильевич, оформите гражданина Бездомного в город. Но эту палату не занимать, белье можно не менять. Через пару часов гражданин Бездомный снова будет здесь. Ну что же, – обратился он к поэту, – удачи желать не буду, потому что в успех этот ни на грамм не верю. До скорой встречи! – и он поднялся, а его свита зашевелилась.

– На каком основании я опять здесь окажусь? – встревоженно спросил Иван.

Стравинский, казалось, ждал этого вопроса, тут же снова уселся и заговорил:

– На том основании, что как только вы явитесь в полицию в трениках и заявите, что видели человека, лично знавшего генерала из штаба... как вас моментально сюда доставят, и вы снова окажетесь в этой же самой палате.

– При чем тут треники? – растерянно оглядываясь, спросил Иван.

– Главным образом генерал. Но и треники тоже. Ведь казённое белье мы с вас снимем и выдадим вам вашу одежду. А доставили вас к нам в трениках. А между тем домой вы заезжать вовсе не собирались, хоть я и намекнул вам на это. Далее последует генерал... И дело в шляпе!

Тут что-то странное произошло с Иваном Николаевичем. Его воля словно надломилась, и он почувствовал, что слаб, что нуждается в совете.

– Так что же делать? – спросил он на этот раз уже робко.

– Ну вот и отлично! – отозвался Стравинский, – это разумный вопрос. Сейчас я вам скажу, что, собственно, с вами произошло. Вчера кто-то вас сильно напугал и взволновал рассказом про генерала и прочие вещи. И вот вы, разнервничавшийся, издерганный человек, пошли по городу, рассказывая про генерала. Совершенно естественно, что вас принимают за не совсем здорового. Ваше спасение сейчас только в одном – в полном покое. И вам обязательно нужно остаться здесь.

– Но его необходимо найти! – уже умоляюще воскликнул Иван.

– Хорошо-с, но самому-то зачем бегать? Изложите на бумаге все ваши подозрения и обвинения против этого человека. Нет ничего проще, чем переслать ваше заявление куда следует, и если, как вы полагаете, мы имеем дело с преступником, всё это выяснится очень быстро. Но только одно условие: не напрягайте голову и старайтесь поменьше думать о генерале. Мало ли чего можно наговорить! Не всему нужно верить.

– Понял! – решительно заявил Иван, – прошу выдать мне бумагу и ручку.
– Выдайте бумагу и короткий карандаш, – приказал Стравинский толстой женщине, а Ивану сказал так: – Но сегодня советую не писать.

– Нет, нет, сегодня же, обязательно сегодня, – встревоженно вскричал Иван.

– Ну хорошо. Только не напрягайте мозг. Не получится сегодня, получится завтра.

– Он уйдёт!

– О нет, – уверенно возразил Стравинский, – он никуда не денется, ручаюсь вам. И помните, что здесь у нас вам всячески помогут, а без этого у вас ничего не выйдет. Вы меня слышите? – вдруг многозначительно спросил Стравинский и завладел обеими руками Ивана Николаевича. Взяв их в свои, он долго, в упор глядя в глаза Ивану, повторял: – Вам здесь помогут... Вы слышите меня?... Вам здесь помогут... вам здесь помогут... Вы получите облегчение. Здесь тихо, всё спокойно. Вам здесь помогут...

Иван Николаевич неожиданно зевнул, выражение лица его смягчилось.

– Да, да, – тихо сказал он.

— Да, да, — тихо сказал Иван.

— Ну вот и отлично! — как всегда подытожил Стравинский и поднялся. — До свидания! — Он пожал руку Ивану и, уже уходя, обернулся к бородатому: — Да, а кислород попробуйте... и ванны.

Через несколько мгновений перед Иваном не было ни Стравинского, ни его свиты. За сеткой окна, в полуденном солнце, зеленел радостный весенний лес на другом берегу реки, а поближе сверкала вода.

Глава 9

Выходки Коровьева

Никанор Иванович Босой, председатель ОСМД дома № 302-бис по Садовой улице в Москве, где жил погибший Берлиоз, был в страшной запарке, начиная с ночи со среды на четверг.

В полночь, как мы уже знаем, в дом приехала комиссия, в которой участвовал Желдыбин, вызвала Никанора Ивановича, сообщила о гибели Берлиоза и вместе с ним отправилась в квартиру № 50.

Там опечатали рукописи и вещи покойного. Ни Груни, приходящей уборщицы, ни легкомысленного Степана Богдановича в квартире не было. Комиссия объявила Никанору Ивановичу, что рукописи покойного будут взяты для разбора, что жилплощадь покойного, то есть три комнаты (бывший кабинет, гостиная и столовая), переходят в распоряжение ОСМД, а вещи покойного будут храниться на этой жилплощади до объявления наследников.

Весть о гибели Берлиоза разлетелась по всему дому с какой-то сверхъестественной скоростью, и с семи утра четверга Босому начали звонить по телефону, а потом и лично являться с заявлениями, в которых содержались претензии на жилплощадь покойного. За два часа Никанор Иванович принял тридцать две таких заявки.

В них были мольбы, угрозы, жалобы, доносы, обещания сделать ремонт за свой счет, указания на невыносимую тесноту и невозможность жить в одной квартире с пьяницами. Среди прочего было потрясающее по своей художественной силе описание кражи вареников, положенных прямо в карман куртки, в квартире № 31, два обещания покончить с собой и одно признание в тайной беременности.

Никанора Ивановича вызывали в коридор его квартиры, хватали за рукав, что-то шептали, подмигивали и обещали не остаться в долгу.

Эта мука продолжалась до начала первого часа дня, когда Никанор Иванович просто сбежал из своей квартиры в офис управления у ворот, но, увидев, что и там его поджидают, убежал и оттуда. Кое-как отбившись от преследователей через асфальтовый двор, Никанор Ива-

нович скрылся в шестом подъезде и поднялся на пятый этаж, где и находилась эта проклятая квартира № 50.

Отдышавшись на площадке, тучный Никанор Иванович позвонил, но ему никто не открыл. Он позвонил еще раз и еще раз и начал ворчать и тихонько ругаться. Но и тогда не открыли. Терпение Никанора Ивановича лопнуло, и он, достав из кармана связку дубликатов ключей, принадлежащих домоуправлению, властно открыл дверь и вошел.

— Эй, уборщица! — прокричал Никанор Иванович в полутемной прихожей. — Как тебя? Груня, что ли? Тебя нету?

Никто не ответил.

Тогда Никанор Иванович сорвал печать с двери кабинета, вынул из портфеля складной метр и шагнул в кабинет.

Шагнуть-то он шагнул, но остановился в изумлении в дверях и даже вздрогнул.

За столом покойного сидел незнакомый, худой и долговязый тип в клетчатой куртке, кепке и очках... ну, в общем, тот самый.

— Вы кто такой будете, гражданин? — испуганно спросил Никанор Иванович.

— Ба! Никанор Иванович! — заорал дребезжащим тенором незнакомец и, вскочив, приветствовал председателя энергичным и неожиданным рукопожатием. Приветствие это ничуть не обрадовало Никанора Ивановича.

— Я извиняюсь, — заговорил он подозрительно, — вы кто такой будете? Вы — представитель власти?

— Эх, Никанор Иванович! — задумчиво воскликнул незнакомец. — Что такое представитель власти или не представитель? Все это зависит от того, с какой стороны посмотреть, все это, Никанор Иванович, относительно и ненадежно. Сегодня я не представитель, а завтра, глядишь, уже с удостоверением! А бывает и наоборот, Никанор Иванович. И еще как бывает!

Рассуждение это ни в коей мере не удовлетворило председателя ТСЖ. Будучи по натуре вообще человеком подозрительным, он заключил, что разглагольствующий перед ним гражданин — лицо именно неофициальное, а пожалуй, и просто бездельник.

— Да вы кто такой будете? Как ваша фамилия? — все суровее спрашивал председатель и даже стал надвигаться на незнакомца.

— Фамилия моя, — ничуть не смущаясь суровостью, отозвался гражданин, — ну, скажем, Коровьев. Да не хотите ли перекусить, Никанор Иванович? Без формальностей! А?

— Я извиняюсь, — уже возмущаясь, заговорил Никанор Иванович, — какие тут перекусы! (Нужно признаться, хоть это и неприятно, что Никанор Иванович был по натуре несколько грубоват). — На месте умершего сидеть не разрешается! Вы что здесь делаете?

— Да вы присаживайтесь, Никанор Иванович, — нисколько не теряясь, орал гражданин и начал юлить, предлагая председателю кресло.

Совершенно рассвирепев, Никанор Иванович отверг кресло и завопил:

— Да кто вы такой?

— Я, позвольте представиться, работаю переводчиком у иностранца, который временно проживает в этой квартире, — отрекомендовался назвавший себя Коровьевым и щелкнул каблуком выдавшего вида ботинка.

Никанор Иванович открыл рот. Наличие какого-то иностранца, да еще и с переводчиком, в этой квартире явилось для него полнейшим сюрпризом, и он потребовал объяснений.

Переводчик охотно объяснился. Иностранец господин Воланд был любезно приглашен директором арт-пространства Степаном Богдановичем Лиходеевым провести время своих гастролей, примерно недельку, у него в квартире, о чем он еще вчера написал Никанору Ивановичу, с просьбой временно зарегистрировать иностранца, пока сам Лиходеев съездит в Крым.

— Ничего он мне не писал, — в изумлении сказал председатель.

– А вы поищите у себя в сумке, Никанор Иванович, – сладко предложил Коровьев.

Никанор Иванович, пожимая плечами, открыл сумку и обнаружил в ней письмо от Лиходеева.

– Как же это я про него забыл? – тупо глядя на вскрытый конверт, пробормотал Никанор Иванович.

– Всякое бывает, всякое бывает, Никанор Иванович! – затрещал Коровьев, – рассеянность, рассеянность, и переутомление, и скачки давления, дорогой наш друг Никанор Иванович! Я сам рассеян до ужаса. Как-нибудь за чаем я вам расскажу несколько случаев из моей жизни, вы обхохочетесь!

– Когда же Лиходеев едет в Крым?!

– Да он уже уехал! – заорал переводчик, – Смылся, понимаете? Уже где-то там, чёрт знает где! – и он принялся махать руками, словно ветряная мельница.

Никанор Иванович заявил, что ему необходимо лично переговорить с иностранцем, но получил решительный отказ. Никак нельзя. Занят. Кота тренирует.

– Кота, если хотите, могу показать, – предложил Коровьев.

Никанор Иванович отказался, а переводчик тут же сделал председателю неожиданное предложение.

Поскольку господин Воланд наотрез отказывается жить в отеле, а привык к простору, не сдаст ли ТСЖ ему на недельку, пока гастроль Воланда в Москве, всю квартиру? Ну, то есть и комнаты покойного?

– Ему-то всё равно, – зашептал Коровьев, – Ему теперь, сами понимаете, Никанор Иванович, квартира эта ни к чему.

Никанор Иванович в некотором замешательстве возразил, что иностранцам вообще-то положено жить в "Ритце" или "Метрополе", а не в частных квартирах...

– Говорю вам, капризный, как чёрт! – зашептал Коровьев, – Не хочет! Не любит он гостиницы! Вот они где у меня сидят, эти туристы! – интимно пожаловался Коровьев, тыча пальцем в свою жилистую шею, – Всю душу вымотали! Приедет... и либо настучит, как последняя сволочь, либо капризами все нервы вытреплет: и то ему не так, и это не эдак!.. А вашему ТСЖ – полнейшая выгода и очевидный профит. А за деньгами он не постоит, – Коровьев оглянулся и шепнул председателю на ухо: – Миллионер!

В предложении переводчика был ясный практический смысл, предложение было очень солидное, но что-то удивительно несолидное было и в манере переводчика говорить, и в его помятом костюме, и в этих дурацких очках. Из-за этого что-то неясное томило душу председателя, и всё-таки он решил принять предложение. Дело в том, что в ТСЖ был, увы, преизрядный дефицит. К зиме надо было закупать мазут для котельной, а на какие шиши – непонятно. А с валютой, глядишь, и выкрутимся. Но деловой и осторожный Никанор Иванович заявил, что ему прежде всего придётся согласовать этот вопрос с "Интурист".

– Я понимаю, – вскричал Коровьев, – Как же без согласования, обязательно! Вот вам телефон, Никанор Иванович, и немедленно согласуйте. А насчёт денег не стесняйтесь, – шепотом добавил он, увлекая председателя в прихожую к телефону, – С кого же брать, как не с него! Если б вы видели, какая у него вилла в Дубае! Да будущим летом, как поедете отдыхать, специально загляните – обалдеете!

Вопрос с "Интурист" уладился по телефону с необыкновенной, поразившей председателя, быстротой. Оказалось, что там уже знают о намерении господина Воланда жить в частной квартире и против этого ничуть не возражают.

– Ну и чудненько! – орал Коровьев.

Несколько ошеломлённый его болтовнёй, председатель заявил, что ТСЖ согласно сдать на неделю квартиру № 50 артисту Воланду с оплатой по... Никанор Иванович немного замаялся и сказал:

– По пятьдесят тысяч рублей в день.

Тут Коровьев окончательно поразил председателя. Ворovski подмигнув в сторону спальни, откуда слышались мягкие прыжки тяжёлого кота, он просипел:

– За неделю это выходит, стало быть, триста пятьдесят тысяч?

Никанор Иванович уже хотел было съязвить: "Ну и аппетит у вас, Никанор Иванович!", но Коровьев перебил:

– Да разве это деньги! Просите пять миллионов, он даст.

Растерянно улыбаясь, Никанор Иванович опомниться не успел, как оказался у стола, где Коровьев молниеносно набросал контракт в двух экземплярах. Затем он юркнул с бумагами в спальню и вернулся, оба экземпляра уже с размашистой подписью иностранца. Председатель тоже подписал. Тут Коровьев попросил расписку на пять миллионов...

– Прописью, прописью, Никанор Иванович!.. Миллионов рублей, – и с каким-то неуместным оживлением выложил перед председателем пять новеньких банковских пачек. – Раз, два, три!

Начался пересчет, сопровождаемый прибаутками Коровьева: "Деньги счет любят", "Свой глаз – алмаз" и тому подобным.

Пересчитав деньги, председатель получил от Коровьева паспорт иностранца для регистрации, положил его, контракт и деньги в портфель и, не удержавшись, застенчиво попросил билетик...

– Да что вы говорите! – воскликнул Коровьев. – Сколько вам билетов, Никанор Иванович, десять, двадцать? На концерт, в театр?

Ошеломленный председатель объяснил, что ему бы только парочку, для себя и Пелагеи Антоновны, жены.

Коровьев тут же выхватил блокнот и выписал Никанору Ивановичу два билета в первый ряд. Переводчик левой рукой ловко сунул билеты Никанору Ивановичу, а правой вложил в другую руку председателя толстую, хрустящую пачку купюр. Взглянув на нее, Никанор Иванович густо покраснел и попытался оттолкнуть.

– Этого не нужно... – пробормотал он.

– И слышать не хочу, – прошипел ему на ухо Коровьев, – у нас не нужно, а у иностранцев принято. Вы его обидите, Никанор Иванович, это невежливо. Вы работали...

– Строго запрещено, – тихо-тихо прошептал председатель и оглянулся.

– А где свидетели? – шепнул в другое ухо Коровьев. – Я вас спрашиваю, где они? Что вы?

И тут произошло, как потом утверждал председатель, чудо: пачка сама собой заскользнула к нему в портфель. А затем председатель, какой-то обмякший и растерянный, оказался на лестнице. В голове у него бушевал вихрь мыслей. Тут и новая машина, и поездка в Крым, и мысль о том, что свидетелей действительно не было, и что Пелагея Антоновна обрадуется билетам. Мысли были сумбурные, но в целом приятные. И все же где-то в глубине души покалывала иголка беспокойства. Кроме того, тут же на лестнице председателя, как обухом по голове, ударила мысль: "Как этот переводчик вообще попал в кабинет, если на двери была печать?! И как я, Никанор Иванович, об этом не спросил?" Некоторое время председатель тупо смотрел на ступеньки, но потом решил махнуть рукой и не мучить себя сложными вопросами.

Как только председатель покинул квартиру, из спальни донесся низкий голос:

– Мне этот Никанор Иванович не понравился. Он скользкий тип и взяточник. Нельзя ли сделать так, чтобы он больше сюда не приходил?

– Мессир, вам стоит только приказать! – отозвался откуда-то Коровьев, но не своим дребезжащим, а очень чистым и звучным голосом.

И тут же этот проклятый переводчик оказался в подъезде, набрал номер и начал жалобно говорить в трубку:

– Алло! Считаю своим долгом сообщить, что наш председатель ТСЖ дома номер триста два-бис по Садовой, Никанор Иванович Босой, занимается незаконной валютной деятельностью. Прямо сейчас у него в квартире номер тридцать пять, в вентиляции туалета, в газетной бумаге, четыреста долларов. Звонит жилец этого дома из квартиры номер одиннадцать, Тимофей Квасцов. Но умоляю, держите мое имя в тайне. Боюсь мести этого председателя.

И повесил трубку, гад.

Что происходило дальше в квартире номер пятьдесят, неизвестно, но зато известно, что творилось у Никанора Ивановича. Запершись в туалете, он вытащил из портфеля пачку, которую ему подсунил переводчик, и убедился, что там четыреста рублей. Эту пачку Никанор Иванович завернул в газету и засунул в вентиляционную шахту.

Через пять минут председатель сидел за столом в своей маленькой кухне. Жена принесла из кухни аккуратно нарезанную селедочку, щедро посыпанную зеленым луком. Никанор Иванович налил рюмку водки, выпил, налил вторую, выпил, подцепил на вилку три куска селедки... и тут зазвонил домофон, а Пелагея Антоновна внесла дымящуюся кастрюлю, при одном взгляде на которую сразу становилось ясно, что в ней, в гуще наваристого борща, находится то, чего вкуснее нет на свете, – мозговая косточка.

Сглотнув слюну, Никанор Иванович заворчал:

– Да чтоб вас! Поесть не дадут. Никого не пускай, меня нет, нет. Скажи, что по поводу квартиры пусть перестанут названивать. Через неделю будет собрание...

Жена побежала к двери, а Никанор Иванович разливательной ложкой выудил из кипящего борща ее, кость, треснувшую вдоль. И в этот момент в кухню вошли двое мужчин, а с ними – очень бледная Пелагея Антоновна. При виде этих людей побледнел и Никанор Иванович, и встал.

– Где у вас тут туалет? – озабоченно спросил первый, одетый в камуфляжную куртку.

На столе что-то стукнуло (это Никанор Иванович уронил ложку на клеенку).

– Здесь, здесь, – торопливо ответила Пелагея Антоновна.

И вошедшие тут же направились в коридор.

– А в чем дело? – тихо спросил Никанор Иванович, следуя за ними, – у нас ничего такого в квартире не может быть... А у вас документы... я извиняюсь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.